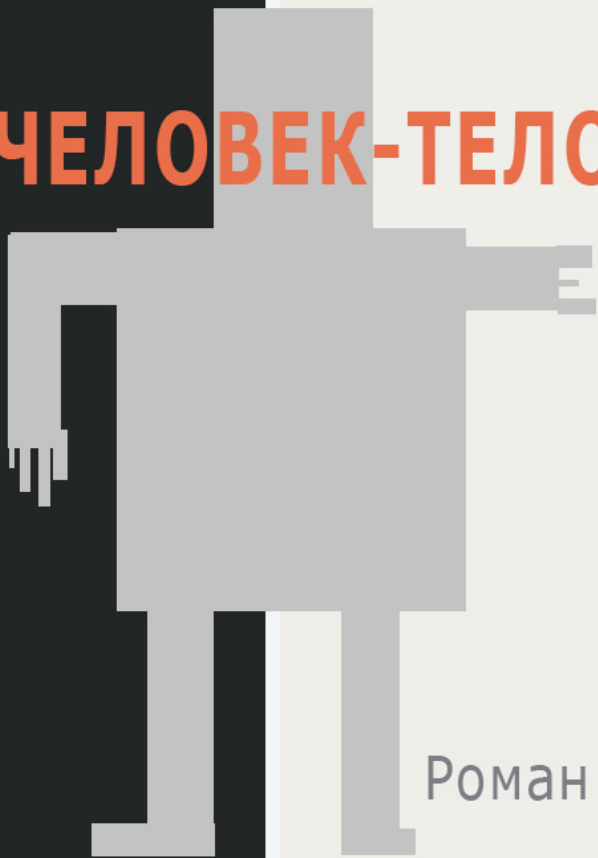

Сергей
Саканский

ЧЕЛОВЕК-ТЕЛО

Роман

Сергей Юрьевич Саканский

Человек-тело

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8952691

Аннотация

«Это история любви пожилого мужчины и шестнадцатилетней девушки...» – так можно начать предисловие к роману ЧЕЛОВЕК-ТЕЛО. «Это история юной девушки, призванной уничтожить очередное воплощение дьявола в мире...» – и такая аннотация имеет право на существование. «Это история любви, длиною в целую жизнь, любви, которой и сама жизнь была принесена в жертву...» – взгляд на книгу с третьей, неожиданной стороны.

Роман начинается, развивается, мы чувствуем себя комфортно в его среде: интересная история, обилие эротики, подробности, то горячащие кровь, то леденящие душу. Внезапно всё переворачивается, и мы видим роман и его героев с другой стороны. Едва привыкнув к новой реальности, перемещаемся в третью, еще более парадоксальную, а в финале испытаем настоящий шок. Самое удивительное, что автору удалось достичь эффекта триллера в форме не-триллера, рассказать детективную историю в контексте не-детектива.

Текст не рекомендуется детям до шестнадцати лет, поскольку содержит ненормативную лексику, сцены секса и насилия.

Содержание

Девочка с Венеры	6
1	6
2	12
3	22
Фантазия	26
1	26
2	31
3	38
Полгода спустя	60
1	60
2	64
3	73
4	78
Жизнь за пределом мечты	94
1	94
2	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сергей Саканский

Человек-тело

Обращаем внимание читателя, что тексту свойственна особенная орфография, допускающая грамматические ошибки и несуществующие слова. Неправильное написание ряда слов не является недосмотром редакторов, а было именно так задумано автором.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Кто ты: человек или тело? – вот вопрос,
который я хочу задать каждому жителю Земли.
Из дневника писателя*

Девочка с Венеры

1

Перейдя пятидесятилетний рубеж своей жизни, я до сих пор так и не понял: что есть жизнь – цепочка случайных, ни от чего не зависящих событий, или же застывшая, как групповая скульптура, уже свершившаяся реальность, в которой всё заранее предопределено и каждый шаг известен кому-то, кто смотрит на нас из глубины времени и пространства – с равнодушием ли, с отвращением, с горькой усмешкой...

В тот зимний вечер я просто выносил мусор: до мусоропровода и обратно – двадцать и двадцать шагов, вот и все мои дела. Что заставило меня выйти именно тогда? Почему я вдруг подумал, уже вывалив следствия своей брэнной жизни в вонючее жерло, где выл какой-то ветреный призрак, что в этот час с общего балкона, выходящего на запад, должно быть видно Венеру? И зачем мне вдруг страстно захотелось взглянуть на Венеру, хотя секунду назад я вовсе не думал о ней и, может быть, несколько недель вообще не вспоминал о существовании этой планеты?

Я вышел на балкон. Холод мгновенно окатил меня с головы до ног, будто бы сверху в порядке пионерской шутки вылили ведро ледяной воды. Венера висела в вечернем небе,

низко над городским горизонтом. На полу, в углу балкона, как показалось мне сначала, валялась груда тряпья. Вечерняя, она же утренняя звезда, была совершенно обыкновенной и как всегда наводила на мысль об адской температуре, которая царит на ее поверхности, о висящих над раскаленными горами тучах серной кислоты. Груда тряпья в углу внезапно зашевелилась.

Я увидел маленькую девушку, свернувшуюся калачиком на кафельном полу. Множество противоречивых мыслей пролетело в моей голове.

Сначала я хотел просто уйти – к чему возиться с какой-то бомжичкой или наркоманкой? Они потрясающе живучи: помощи здесь вовсе не требуется. Да и какое мне до нее дело, даже если она через час умрет?

Я видел сверху худенькие плечи, дешевую тонкую курточку, длинные густые волосы, казавшиеся каштановыми в свете уличных фонарей. Почувствовав, что кто-то стоит прямо над ней, девчонка перестала дрожать и подняла голову. Большие светлые глаза. Красивое удивленное лицо.

– Нужна помощь? – спросил я.

– Нет, – тихо ответила она, затем, помолчав, добавила: – Но, кажется, я замерзаю. Это ужасно, правда?

– Вставай, пошли, – сказал я и, увидев, что мое предложение не возымело никакого действия, взял существо за шкурку и рывком поднял на ноги.

Тут же поймал себя на скотской, отвратительной мыс-

ли: захотелось бы мне помочь другой – некрасивой, старой? Или, если бы тут замерзала не девушка, а парень – просто *ближний* какой-то? Ведь, откровенно говоря, мне вообще безразличны другие люди.

Она была еще меньше ростом, чем показалось вначале. Запрокинув голову, без любопытства смотрела на меня. Лицо не выражало ни малейших эмоций. Я обнял ее за талию и легонько подтолкнул к двери балкона. Она покорно двинулась вперед.

В квартиру мы вошли молча. Она расстегнула курточку, и я не смог сдержать возгласа изумления: начиная с пояса, девушка была обнажена. Дальше шли истрепанные джинсы, из-за узенького ремешка торчали трусы. Я повесил курточку на крючок, стараясь не смотреть на ее груди. Вновь повернувшись к ней, увидел, что девушка улыбается. Я казался сам себе идиотом, глядя ей прямо в зрачки, хотя мои глазные яблоки стремились провернуться ниже, словно я был куклой, которой управлял некто большой. Я все же посмотрел, из необходимости, вниз и, пролетев мимо этих острых, нацеленных, отыскал на полу маленькие тапочки, что надевала моя соседка Ленка, если приходила ко мне с улицы, а не от себя, и двинул эти тапочки ногой к ногам девушки.

– Согреешься немного и пойдешь, – строго сказал я, вороша в шкафу разные ненужные одежды.

Вот, наконец... Это был мягкий голубой свитер, связанный когда-то моей женой, в те времена, когда трусы было не

принято выставлять напоказ. Носить его я не хотел: многое изменилось в мире, и человек в голубом свитере выглядит теперь двусмысленно. Я и представить себе не мог, что буду расхаживать по квартире в этом голубом свитере, отражаться в зеркалах. Выбросить его не подымалась рука – это была одна из немногих вещей, оставшихся здесь от моей жены. Порой, открыв шкаф и увидев его, я утыкался носом в пушистую фактуру и пытался вызвать слезы. Нет, слезы из меня не шли.

– Вот, – сказал я. – Надень-ка этот голубой свитер. Считай его подарком. Очень хорошая пряжа, ручная работа. Не новый, но и почти не ношенный. Чистый, однажды стиранный. Тебе это будет вроде шерстяного платья.

Я протянул ей голубой свитер не глядя, боком – такая сцена хорошо бы смотрелась на театре. Краем глаза я видел, как девушка с готовностью нырнула в свитер, полностью в нем утонув, и эти маленькие, круглые груди с крупными сосками, которые я все же успел якобы невольно, но все же многократно рассмотреть, скрылись с моих старческих глаз.

– Сейчас приготовлю чего-нибудь горячего, – сказал я. – Кофе тебе или чай?

– Спасибо, – сказала девушка. – На ваше усмотрение.

Я повернулся и прошел на кухню. Мысль о том, что эта неизвестно кто может спереть что-нибудь в комнате, даже не пришла мне в голову. Впрочем, ничего, как оказалось, ей и не было надо. Когда я вернулся, девушка спала поперек моей

кровати, широко раскинув руки. Голубой свитер был ей ниже колен – и вправду, словно платье или пальто. Один тапочек все еще держался на кончиках пальцев, другой слетел и лежал подошвой вверх на ковре. К подошве прилип кусочек луковой шелухи. Я подумал, что у меня в квартире грязно, что Ленка, которая ухаживала за мной и обычно пылесосила тут, в последний свой визит ограничилась лишь тем, что принесла продукты и тут же увлекла меня в постель.

Я снял второй тапочек с крохотной ножки, затем осторожно взял существо в целом и перекатил его вдоль кровати, зная, что оно не проснется. Найдя в шкафу мягкое клетчатое одеяло, я укрыл существо до подбородка.

Две чашки кофе я перенес в кабинет и медленно выпил одну за другой, думая об этой, похоже, уже загубленной юности, лежащей тут, за стеной.

Моя личная жизнь, как говорится, не сложилась. Детей у меня не было, жена от меня ушла много лет назад, я ничего о ней не знал, поскольку она тут же уехала в Таллинн, где родилась, и город этот вскоре стал столицей чужого государства. Как она пережила девяностые годы, что с нею стало? В равной степени – звонкая цепочка случайностей или стальная нить предопределенности могли вывести ее и в бизнес леди, и на бомбовую свалку, и на кладбище, и в эмиграцию. Она наполовину еврейка. Возможно, все же уехала. Нет, меня совершенно не интересует жизнь моей бывшей жены, а слезы, которые я хочу вызвать, вспоминая ее, – это лишь мой

личный плач по собственной судьбе.

Я вообразил, что эта девушка останется у меня навсегда, будет спать в моей постели, заменив давно осточертевшую соседку, столь же некрасивую и толстую, как я, ее любовник-работодатель, будет ходить в магазин, стирать и убираться, как это делает она, ухаживать за мной в старости...

Возбужденный кофе и двумя сигаретами, я стал переключать листы на столе. Мне уже давно не писалось, просто не о чем было писать. Современную реальность я ненавижу, а о прошлом писать скучно да и бесполезно – ни одно издательство не возьмет, ни один журнал.

Я снял со стопки чистый лист, провел сверху черту и написал:

«Перейдя пятидесятилетний рубеж своей жизни, я до сих пор так и не понял: что есть жизнь – цепочка случайных, ни от чего не зависящих событий, или же застывшая...»

2

Бросил писать, дойдя до того самого момента, как снял со стопки чистый лист и провел сверху черту... Почему, собственно, ни одно издательство не возьмет? Оторвут и эти, и те. Только вот этим прошлое надо медом намазать, а тем – говном. Я же не хочу подчиняться никакому закону. Захочешь, например, медом – и сразу мысль придет: это я не просто так мажу, а для них. По той же причине, как бы ни хотелось говном – из упрямства не буду.

Я заметил, что стал все чаще уминать кулаком собственные зевки. Выключил лампу, прошел в коридор, раскрыл дверь комнаты и долго разглядывал в полумраке спящую девушку. Она лежала на боку, длинные волосы, сейчас казавшиеся черными, закрывали лицо и свешивались с края кровати почти до пола.

Я подумал: а что если связать ее, сонную, слепить широким прозрачным скотчем, изнасиловать, затем много дней держать ее здесь, на привязи, насилуя по мере своих желаний, стать настоящим маньяком и убийцей, потому что, в конце концов, ее и вправду придется убить, если она не умрет сама, а затем распилить, разрубить на крошечные кусочки, поэтапно спуская их в унитаза...

И почему только пришла мне в голову такая мысль, и могла ли она прийти кому-то другому? Ведь мыслей у нас мно-

жество, самых страшных, неужто все эти мгновенные фантазии вращаются в каждой человеческой голове, или же – только в моей? Может быть, подобные мысли посещают какой-то жалкий процент людей, и я просто из их числа?

Я отправился спать. Пришло было решение запереть входную дверь на нижний замок, чтобы моя фантастическая гостья не могла все же, если проснется раньше меня, утащить что-нибудь и уйти. Но потом подумал, что такое поведение не достойно мужчины, и это будет поступок, которого я сам же впоследствии устыжусь.

Я лег на диван в кабинете и почему-то быстро заснул. Когда я открыл глаза, девушка сидела в кресле за моим рабочим столом, потягивала себя за мочку уха и пристально смотрела на меня. Голубой свитер она натянула на колени, из-под его волнистого края торчали худенькие ноги в истертых джинсах, специально прорезанных поперек, для какого-то мало-понятого мне форсу. Новый живописец постарался на славу: волосы теперь у нее были совсем светлые, с рыжинкой и золотом, не расчесанные со сна, отчего она выглядела еще более милой. Глаза казались синими. Ненасытный художник дневной свет. Очень красивая, просто немислимо прекрасная девушка.

Я чуть передвинулся на кровати, полусел, указал пальцем на стол, сказал:

– Дай-ка мне сигареты и пепельницу.

Она молча повернулась, нашла среди вороха бумаг и про-

тянула мне требуемое, добавив еще и зажигалку, которая валялась там же, блестя своим потертым золотом. Умная девушка, подумал я.

– Я бы тоже не прочь покурить, – сказала она, когда я с большим удовольствием затянул свою первую утреннюю сигарету.

Я пожал плечами и неопределенно махнул рукой: дескать, бери, чего спрашивать? Честно говоря, мне хотелось, чтобы она поскорее ушла. Я не желал вступать с нею в разговоры, ничего не хотел знать о ее жизни. Мне было больно на нее смотреть, чувствуя, как клокочет во мне, бьется о мои стенки изнутри самое горестное *никогда*, из всех *никогда*, которых я только знал в своей жизни.

Никогда не было у меня такой красавицы и никогда не будет. Несмотря на то, что она сидит здесь, на расстоянии вытянутой руки. Все женщины, которые меня любили, были страшенькие. Все, которых я любил безответно – красавицы. Эта закономерность объясняется просто: я сам далеко не красавец, вот и всё.

– Вы, как я вижу, писатель? – спросила она.

– Да, – сказал я, и показалось мне, что я лгу.

– И пишете от руки? – она кивнула на беспорядочно разбросанные по столу листы.

– Привык.

– Зачем же тогда компьютер?

– Потом набиваю, готовый текст. Ну, еще интернет и про-

чее...

– Игры разные?

– Нет ни одной.

– Жаль, а то бы поиграли...

Это слово имело особое значение в давние времена, когда я был ребенком. В пору моей юности оно было заменено другим. Теперь девочка произнесла его безо всякого подтекста, а я чуть ли не покраснел.

Она с любопытством разглядывала и меня, и обстановку моего кабинета. Пусть в наши дни имидж писателя неизмеримо упал, как и значимость любого таланта вообще, но где-то в глубине у людей все же сидит прежней трепет: как же – встреча с живым писателем, и ни где-нибудь на корпоративе, а тет-а-тет, почти что интим... Впрочем, а почему бы и нет? Вдруг эта девушка – геронтофил и я вовсе не кажусь ей столь противным и старым?

Писателем я, конечно, могу назвать себя достаточно условно: будучи членом СП Москвы, закончив когда-то Литературный институт, я уже лет пятнадцать не публикую ни строчки, хотя пишу достаточно, но, как и в советские времена, получается – в стол. Или, на худой конец – в интернет, что еще хуже, чем в стол.

– Значит, я смогу почитать ваши произведения в сети? Ссылку можно записать? Вы не смотрите, что я такая к вам явилась. Со мной произошло нечто ужасное...

– Видишь ли... – начал было я, собираясь тонко и изящно

указать девушке на дверь, но она перебила меня.

– Вам как писателю должно быть интересно... То есть, может быть интересно...

– Ты читаешь книги?

– Конечно.

– Какие – женские романы?

– За кого вы меня принимаете?

– За кого же мне тебя принимать, если я нашел тебя на кафельном полу, в доме, где ты не живешь, на грани гибели от наркотиков? Я, вообще, удивлен, что ты поддерживаешь этот разговор.

Действительно. Я запоздало сообразил, что девушка совсем не та, что показалась мне вчера. Ее речь была складной, глаза, беспокойно блуждавшие кругами, сейчас глядели вполне осмысленно.

– Со мной поступили... Все это было неожиданно. Я думала, что эти люди – мои друзья.

– Ну, расскажи... – предложил я, уже испытывая любопытство.

Девушку звали Вика, что происходило, скорее, от Вероники. В мое время такое имя было бы экзотичным, сейчас оно банально. В самом начале ублюдизации, как раз лет пятнадцать-семнадцать назад, молодые родители в массе своей, почувствовав ломку эпох, стали называть детей всякими подобными именами, давая понять другим и доказывая себе, что они свободны.

Вика училась в коммерческом техникуме, приехала в Москву из Обояни, где жила ее семья, и снимала квартиру на троих со своими сокурсницами. Вчера ее друзья устроили вечеринку, она пошла туда, не догадываясь, какая ее ожидает западня.

– Сначала нас уговорили принять какие-то таблетки. Я, в общем-то не против легких наркотиков. Это ужасно, правда? Наверняка же вы так думаете. Все вокруг курят траву, многие ходят в клубы, на дискотеки, там глотают экстази, чтобы беситься до утра. То, что нам дали, как уверяли ребята, было вполне безобидным. Но не прошло и получаса...

Она вдруг встала, принялась ходить по комнате, продолжая свой рассказ. Я следил за нею, выворачивая глаза. Она одновременно занималась двумя делами: говорила и рассматривала мое писательское логово, цветы на подоконнике и книги на стеллажах. Волосы поминутно падали ей на лоб, она то дула на челку, но отводила пальцами пряди. Когда ей надоело ходить, она снова села, но не в кресло, а почему-то ко мне на диван. Я подумал: а что, если положить руку ей на плечо?

Подумал и сделал. Она не подала виду, что заметила сей наглый жест. У меня банально замерло в груди: мой достаточно долгий донжуанский опыт говорил о том, что такая реакция позволяет сделать с женщиной и все остальное.

Вика плохо помнила прошедшую ночь и следующий за нею день. Всем трем девушкам дали не только наркотик, но

и что-то возбуждающее. Две ее многоопытные подружки тотчас разделись и бросились в объятия парней, которых было двое, и трахнулись с ними на ее глазах. Вика с ужасом смотрела на то, что прежде видела только в кино. У нее никогда не было мужчины. Я не поверил и невольно рассмеялся.

– Зачем мне вам врать? – сказала она. – Я даже могу объяснить. Я в Москве чуть больше трех месяцев. В техникуме у нас практически одни девчонки. А там, в Обояни... Вы не представляете, какой я была толстой. На меня даже смотреть никто не хотел.

– Да неужели! – удивился я и как бы невзначай погладил ее по плечу, высвободил другую руку из-под одеяла и гнусно потрогал ее плоский живот.

Вика рассмеялась, давая понять, что во-первых, разгадала мой трюк, а во-вторых, вовсе не против, чтобы я ее щупал. Дикая мысль пришла мне в голову: а что, если та дрянь, которую ей дали, действует до сих пор и девушка не прочь заняться любовью с первым попавшимся, даже с толстым вонючим стариком?

Впрочем, никакой я не вонючий, а она, как сама говорит, также недавно была толстой и, может быть, я совсем не кажусь ей таким отвратительным – ведь хочет же меня жирная Ленка...

– Я как-то в один миг отрубилась, – продолжала Вика. – Не есть хлеба, картошки, сливочного масла, сладостей, даже кофе пью без сахара. Плюс упражнения. За лето сбросила

шестнадцать кило.

– Для твоего роста очень много, – сказал я. – Может быть, и мне взять на вооружение эту технику?

Говоря, я гладил ее шею и плечо, накрыл своей огромной пятерней ее узкую руку, она вдруг крепко сжала мои пальцы, я почувствовал, что все ее тело дрожит. Моя догадка оказалась верной: волшебное снадобье все еще действовало. Мой маленький предатель, как называла его Ленка, немедленно оживился, я набрался смелости и подвинулся к этому трепещущему телу, так, что мерзкий предатель твердо уперся ей в бедро. Всё она замечала, всё чувствовала.

Дальнейший рассказ ошеломил меня. Насытившись ее подругами, коварные молодые люди принялись за Вику, но вот беда: дальше поцелуев и объятий у них дело не пошло, поскольку бойкие подруги совершенно опустошили их. Но главная странность, нечто совершенно, по моим соображениям, неправдоподобное, произошло на следующее утро, когда девицам, вероятно, опять подмешали возбудитель, на сей раз – в похмеляющее всю компанию пиво. Услышав от подруг, что Вика девственница, оба парня отшатнулись от нее и, уйдя в комнату на групповуху, оставили ее скучать на кухне. В середине дня пришел какой-то Виталий, он не испытывал комплекса благородства и стал приставать к Вике, полураздел ее, к тому же, Виталий принес какой-то новый драг, и Вика совершенно улетела, но в какой-то момент догадалась сбежать, якобы попросившись в туалет, накинула на голые

плечи куртку и была такова. Дальнейшее она помнила смутно: почему забралась в мой дом, зачем заехала на последний этаж?

Вика вдруг расплакалась.

– Ну, хватит, ну перестань, – приговаривал я, почти безо всякого злого умысла глядя ее по волосам, сел на кровати, обеими руками прижал ее голову к груди.

Нет, она продолжала рыдать, похоже, у нее начиналась истерика, я взял ее за волосы и дважды ударил по обеим щекам.

– Спасибо, – сказала она.

Я не удержался и поцеловал ее в губы, Вика вдруг ответила, я почувствовал ее крепкий, юркий, восхитительный язык.

Мне было страшно прерывать этот поцелуй, ситуация казалась невыносимой, я ведь годился ей даже не в отцы, а в дедушки, если бы та женщина, которая лишила меня невинности в мои шестнадцать лет, вдруг забеременела, и тот или та, кого бы она родила, сам завел бы ребенка в восемнадцать.

Да, поцелуй длился и длился, я гладил тело девушки, сжимал ее груди и ягодицы, она вся дрожала, громко дыша.

Я взял голубой свитер за край и одним движением стащил его. Поцелуй, разумеется, пришлось прервать.

Ее глаза сверкали бельмами: она спрятала зрачки под веками, язык так и остался высунутым, когда я отлип от ее губ.

Через несколько секунд мы оба были обнажены, краем помутневшего сознания я отметил, что эти сиреневые, из под

пояса торчащие трусы, были лишь бутафорской частью ее джинсов. Я вошел в нее и не менее часа крутил, изгибал и переворачивал на кровати и на ковре, пока у меня не защемило сердце. Никогда прежде я не испытывал такого наслаждения. На одеяле, в том месте, где я впервые проник в нее, темнело большое кровавое пятно.

Вот так дедушка. Умудрился на старости лет забрать еще одну девичью честь.

Честно говоря, ее объяснения – дескать, она совсем недавно была толстой, никому не нужной, поэтому и сохранила невинность, потом оказалась в чужом городе, где не сразу наладились связи и так далее – меня не очень-то удовлетворили. Теперь же, при виде этого пятна, да и, собственно, по ощущениям, я поверил в эту странную версию.

Девушка была отзывчивой и открытой для любых экспериментов, но сама не проявляла ни малейшей инициативы. Я ломал и изгибал ее, словно куклу, она делала всё с охотной готовностью, полагая, что так и надо. Остаточное действие препарата было настолько велико, что она несколько раз достигла оргазма, забыв о боли, в какой-то момент даже потеряла сознание, обмякнув и провиснув на моих коленях. Когда мы оба были окончательно изнурены, она впала в неглубокий нервный сон.

Я лежал, приподнявшись на локте, и рассматривал ее лицо. Дивные мечтания бродили в моей голове. На лбу Вики дрожали капли пота, словно некая ночная роса. Я осторожно слизнул одну, почувствовав сладость на лопатке языка, на соответствующих рецепторах... Начать жизнь сначала. Предложить ей руку и сердце, раскрыть перед нею всю мою душу, рассказать ей всё, что я знаю и помню. На ее ушной раковине, правой, обращенной ко мне, была маленькая

выпукла родинка. Я и ее коснулся кончиком языка и почему-то ощутил соль.

Девушка тяжело дышала раскрытым ртом, вдруг на ее губах надулся и лопнул радужный пузырек. Она была прекрасна даже в своей немощи. Я передам ей все свои знания о мире, сделаю ее душеприказчицей своих неизданных книг, завещаю ей всё свое имущество – вторую квартиру в центре, дачу, где я не был несколько лет, уже, наверное, руины, машину, гниющую в гараже, да и сам гараж, конечно же, и эту двухкомнатную жилплощадь, фамильное золото и серебро... Когда я умру, ей будет всего лет двадцать пять-шесть. Даже если я проживу до семидесяти, то и в тридцать семь она будет молодой обеспеченной вдовой. Я же буду гнить где-то в земле, рядом со своими давно истлевшими родителями. Черви поселятся в этой брюшной полости и сами подохнут, когда сожрут всё мое мясо. Вот один юркий, глазастый червяк вылезает между вставных золотых зубов, сам в их отблеске кажется золотым... Впрочем, люди живут и до восьмидесяти, и до девяноста... Золото, бледное древнее золото сыпется с неба, я ловлю его, словно падающие листья...

Проснувшись, я понимаю, что тот же самый сон о золоте, богатстве, к которому я никогда не стремился, был у меня и раньше, когда-то давно, еще в юности, а девушки, моей Вики, рядом почему-то нет.

Первое время я тешил себя надеждой, что она где-то в доме, например, пошла в туалет. И как умудрилась перелезть

через меня спящего, чтобы я не почувствовал? Я обошел всю квартиру: комнату, кабинет, кухню, заглянул в санузлы, даже в стенной шкаф. Зачем-то вышел в коридор и на общественный балкон, где вчера обнаружил ее. Был опять вечер и опять сверкала Венера над цепью городских огней.

Вернувшись домой, я увидел на своем столе записку, поначалу не замеченную, и теперь я храню ее, как неоспоримое материальное подтверждение, что Вика не была сном, смешавшись в итоге с ливнем из золотых листьев.

Спасибо за мастерски проведенную операцию, дорогой мой доктор. Я никогда не вернусь. Но всю жизнь буду помнить Вас, даже когда буду совсем старой, а моего милого доктора уже не будет среди живых.

Остроумная, замечательная девушка Вика. Красивые, очень милые слова, прекрасная интонация. Слишком хорошие слова, чтобы их придумала какая-то девушка Вика. Осознав это, я провожу под строкой жирную черту и переворачиваю стопку бумаги. Нет, этот рассказ никогда не будет окончен, хотя я заранее, в уме уже приготовил финал, который должен был грамотно закруглить его:

Зачем всё это было? Чтобы пробудить воспоминания, взволновать душу, написать, в конце концов, этот никчемный рассказ?

В том-то и дело – всё это есть еще один аргумент в пользу того, что жизнь – это цепочка случайных, непредсказуемых событий, часть из которых, как, например, это, – со-

верием не нужны, бессмысленны, не имеют ни продолжения, ни последствий.

Фантазия

1

Красивая, набело в эту тетрадь переписанная вещь, хоть и незаконченная. Есть огрехи, например, героиня дважды повторяет одно и то же – эдакое нежно интеллигентское при словье...

«Девочка с Венеры». Рассказ.

Впрочем, многолетняя практика письма от руки приучила меня сразу строчить набело. Переписал лишь для того, чтобы еще пуще отредактировать свою фантазию.

История, на самом деле происшедшая со мной в тот осенний вечер, была печальной, жалкой и... [далее неразборч.]...

Я вышел на злополучный общественный балкон, чтобы и вправду посмотреть вечернюю звезду. Действительно обнаружил в углу балкона маленькую венерическую девушку, показавшуюся мне поначалу грудой тряпья.

– Нужна помощь? – спросил я.

– Отвали, швыдло вонючее! – услышал в ответ.

Она сказала, даже не глядя, что привело меня в легкое бешенство. Разве можно определить по ногам в мягких домашних брюках, в хороших кожаных шлепанцах – швыдло ли перед ней или замечательный человек, может быть, да-

же молодой и красивый? Да и вряд ли от меня исходил какой-либо неприятный запах: девица, скорее, улавливала отражение своего собственного. Я взял ее за шкурку и легко поставил на ноги.

– Замерзнешь, дура! Насмерть замерзнешь, подохнешь, – сказал я.

Только теперь она посмотрела на меня. Кого она увидела? Пожилой, грузный человек, с полным округлым лицом, луноликий. Большие, светлые, умные глаза. Добрые, как многие говорят, глаза. Впрочем, девушки такого рода не понимают – умный перед ними или дурак, да и доброта для них, скорее, отрицательное качество.

– А вам какое дело! Подохну, ну и... – она выругалась довольно омерзительно, обдав меня волной перегара из большого чувственного рта.

Я отпустил руку, ожидая, что девушка тотчас упадет, решил повернуться и уйти, но она удержалась на ногах, раскачиваясь и глядя исподлобья, словно взглядом держась за мое лицо. Что-то меня остановило: я уже писал в тексте своего несчастного рассказа – наверное, чисто мужское любопытство, фантастическое, грешное желание...

– Пойдем, выпьешь чего-нибудь, согреешься, – миролюбиво предложил я, теперь стыдясь своих резких слов.

Уже в коридоре квартиры, при стоваттном свете я пожалел, что пригласил эту девушку домой. Она была чудовищно, отвратительно грязна. Где она только могла найти такую

грязь зимой, когда всюду снег? Наверное, в каком-нибудь подвале, у трубы отопления, где, похоже, она и живет. Запах перегара, мастурбации и чьей-то чужой спермы – чрезвычайно вонючий и вполне мне ясный из долгого и противного мужского опыта коктейль – наполнил мой дом до самого потолка. Я вспомнил, что где-то в столе у меня валяется пачка презервативов, и тут же удивился своей мысли: что может заставить эту юную леди отдаться жирному старику?

Как что? – тут же зазвучал внутри меня звонкий юношеский голос, принадлежащий тому молодому человеку, которым я был тридцать лет назад и которым, впрочем, остался. – Как это – что? А там же, в столе, рядом с пачкой гандонов – что там лежит? Правильно. Пачка столларовых купюр, которые тебе позавчера отдал арендатор. Одной сотни ей будет достаточно, пусть возьмет себе наркоты. А если нет, сунешь ей две...

– Две будет слишком много, – сказал я, по-видимому, вслух, потому что девушка недоуменно подняла на меня голову.

Она сняла куртку и стояла передо мной по пояс голая, похоже, даже не замечая того.

Что это было за создание? Да, милая девочка, ничего не скажешь, лет шестнадцать-семнадцать, законченная наркоманка, дыры на сгибах локтей, фиолетовые круги под глазами, болезненная худоба... Жить ей, наверное, оставалось лет пять.

Образ, значительно усовершенствованный мною в тексте рассказа. Да и говорил этот образ на своем умопомрачительном языке:

– Чумаешь, дед? Я прикосила чуть... Ты уж меня постюби!

В общем-то, вполне понятно. Я отвечал, также используя молодежную феню, поскольку не так давно специально изучал ее для одного своего произведения.

– Ты затырки свои оскреби, чува! Пушиську тебе дам и гни на водолей.

Она даже не обратила внимания на мою мову, будто так и надо, что дед ее знает. Я понял: отравлена она гораздо серьезнее, чем показалось вначале.

Я распахнул дверь ванной и вытащил из шкафа чистую пушиську, то бишь – полотенце.

– Пряма сразу и на водолей, – сказала она с каким-то странным кокетством в голосе. – А склянку нальешь?

– До и ли после? – спросил я.

Девушка захихикала.

– После чего?

Все эти слова сильно меня взволновали: я понятия не имел, что творится в ее голове и за кого она меня принимает, но было совершенно ясно, что девушка ведет себя так, будто собирается после ванны лечь со мной в постель.

Я метнулся на кухню, схватил бутылку, где было три четверти литра хорошего виски, два граненых стакана и вернул-

ся в коридор. Проклятая тварь стояла в проеме ванной совершенно голая, только болтался на левой ступне один грязно-белый носок.

Я налил ей полный стакан и протянул. Лолита, ити твою мать.

– Играй своё! – требовательно воскликнула она.

У девчонки был впалый, серый живот. Ниже пупка, в сваленных волосах творилось что-то невообразимое, туда мне даже не хотелось смотреть.

[На полях: «Да, припоминаю...»]

Я налил и себе. Мы чокнулись.

– За вздутую разборку! – произнесла она тост, и мне стало окончательно ясно, что она принимает меня за кого-то другого, за того, кому она собирается сегодня нормально дать, ибо вздутая – на ее уродливом языке означало законченная. То есть, она думала своими потекшими от драга мозгами, что я – какой-то ее близкий знакомый, к которому она запросто пришла ночевать, успешно обтяпав какое-то дело, разборку, о которой тот человек (то есть, я) должен знать, и вот, теперь она буднично чухает по этому поводу склянку.

Когда девчонка скрылась в ванной, я немедленно засуетился, готовясь к предстоящему аттракциону и с ужасом думая о том, что она протрезвеет после водолея, и снова решит, что перед ней – швыдло.

Я полулежал на диване, периодически наполняя рот едкой жидкостью – маленькими порциями, чтобы до времени не опьянеть и хорошо запомнить все то, что должно произойти в этой комнате. Я слушал, как в ванной бьет о воду вода и предавался странным, несбыточным и ненужным фантазиям. Я вообразил, что эта девушка останется у меня навсегда, будет спать в моей постели, станет, в конце концов, моей женой.

До какой степени дошла ее болезнь? Существуют же особые клиники для наркоманов, а у меня вполне хватит средств оплатить лечение... Приплыла и уплыла, плескаясь, чисто рыба мысль о том, что и мне было бы неплохо лечь с ней в ту же клинику, только лечиться я буду от другой, не менее позорной болезни. Вот так, рука об руку, наркоманка и алкоголик, вместе в одной палате – он за ней ухаживает, следит, чтобы не снялась там случайно какому-нибудь молодому доктору.

А дальше – больше. Ведь создал же Пигмалион Галатею: из какой-то уличной торговки – светскую даму. Я передам ей все свои знания о мире, сделаю ее душеприказчицей своих неизданных книг, завещаю ей всё свое имущество... Только надо как-нибудь отгородить ее от старых друзей, тех, кто сделал ее такой. Пусть дружит с новыми, моими – я смогу

всех вернуть, снова начать общаться, выходить в свет. Снова, как в прежние годы, буду жить на даче, ходить за грибами сквозь золото дымных утр и собирать легионы гостей.

Мысленно я назвал ее Викой, сам не зная почему – может быть, за витые, торчащие в разные стороны жгутики сплещихся волос. Впрочем, имени я ее так и не узнал: лишь местоимением запечатлелась в моей жизни эта маленькая змея.

Дрянной запах она оставила в ванной. Вышла, завернутая в большое махровое полотенце, вся сияющая смуглой чистой. Я уже и сам ждал ее в халате, предварительно промыв гениталии у кухонного крана. Хотелось лизать и лизать эти дырки на сгибах локтей, чтобы когда-нибудь зализать их начисто, вернув обратно чудесную юную кожу.

Она что-то сжимала в кулаке, какой-то кошелечек, маленький бумажник, который извлекла из своих джинсов, я не придал этому значения...

– Давай еще грамульку зарядим, – предложила она.

Я был не против и тотчас наполнил стаканы. Она взяла было свой, затем передумала пить, поставила на стол. Я сделал то же самое, со звоном опустив стакан выдержанного вискаря впритирку к ее стакану и думая при этом, что уже через несколько минут так же звякнут друг о друга наши тела.

– Принеси чего-нибудь куснуть, а?

– Не вопрос, – молодецки парировал я и снова отправился на кухню.

Пришел с полным подносом еды. Она сидела в моем ра-

бочем кресле, рассматривала бумаги на столе. Ноги, сложенные крест-накрест, были слабы и тонки от хронического недоедания, являя обширные гематомы на острых коленках, которые лишь возбуждали, поскольку я хорошо представлял их происхождение.

– Вы что же – писатель, что ли?

– Типа того, – сказал я, соображая, что в этом вопросе что-то не так.

– Комп на столе, а пилите от руки.

– На компе я просто играю, – соврал я и, наконец понял, что было странным в ее словах: ведь если она принимает меня за своего приятеля, откуда же взялся этот ознакомительный вопрос?

К тому времени мы выпили еще по стакану, она с удовольствием проглотила кусок сыра, мне же закусывать не хотелось... Я вновь обратил внимание на кошелечек, который теперь лежал у нее на коленях, подумал, что в нем она и носит свой драг... Внезапно я почувствовал себя очень, ужасно пьяным, словно выпил не два стакана виски, а две бутылки. Там не ее драг, а мой, – подумал я, и это было последнее, что я помнил. Очнулся где-то в середине ночи. Во всех комнатах горел свет. Бутылки на столе не было. Ноутбука – тоже. Листы рукописи валялись на полу, причем, заблеванные: моя желанная выжрала виски, сколько могла, что-то отгрынула, остаток прихватила с собой. Небось, просматривала листы со стаканом в руке, поочередно бросая их на пол, складыва-

ла слова, не понимая их смысла, недоумеваю, что за дрянь пишет тут этот лох. Мне, стало быть, сыпанула клофелина в стакан, или чего-то подобного. Меня уже дважды травили клофелином случайные собутыльники, чтобы раздеть и обчистить, правда, это происходило на улице, а не в собственном доме.

Разрушения, похоже, произошли глобальные: ящик стола был красноречиво выдвинут. Немного поколебавшись, пробуя на вкус мысль, что в таком положении он был оставлен мною самим, я вытянул ящик и удостоверился в том, что деньги исчезли – весь мой месячный доход, позавчера полученный, за исключением Ленкиной зарплаты да сотни, уже потраченной ею на экскурсию в магазин. Все-таки, не дура, знает, где искать. Прихватила и зажигалку – довольно дорогое изделие, крытое позолотой, и презервативы.

Меня взяла какая-то неуместная тоскливая ревность. Вот именно сейчас, в своем подвале, играет с кем-то, корябая коленки, прямо на куче моего барахла. В голубом свитере, связанном маленькими руками моей красавицы жены. Которая сейчас тоже где-то с кем-то радуется. Как радовалась и играла Наташа, прожившая не столь долго на этой планете, как и благополучно здравствующая Марина, как и все другие женщины, мертвые и живые, которых я имел наглость любить в своей жизни – я, жалкий урод, который и взгляда их не достоин.

Кроме свитера, прихватила еще и заячий полушубок, что

сибирские крестьяне подарили мне в советские времена, в одной из практикуемых тогда писательских поездок: он висел тут как память о том, что я когда-то был официальным писателем и участвовал в традиционной писательской жизни, но его, этот полушубок, не мочить слезами, как голубой свитер моей бывшей любви, да и ходить в этом полушубке некуда.

Чего ты вообще о себе возомнил? Что тебя и вправду приголубит какая-то девушка? Да с тебя даже проститутка затребует двойную цену как компенсацию за моральный ущерб, за отвращение.

Пройдя на кухню, я с комом в горле удостоверился, что эта сволочь еще и утащила из холодильника бутылку сухого вина. Я набрал номер Ленки, та уже спала, невнятно бурчала, собираясь бросить трубку, я вскричал, что со мной стряслась ужасная беда, что мне необходимо участие.

– Два часа ночи. Завтра на работу... Ладно, сейчас приду.

Зачем ей, в принципе работа, если я и так ее обеспечиваю? На своей государственной службе она получает менее трехсот, я же даю ей за уборку, готовку и хождения тысячу. Давно бы бросила и стала домохозяйкой. Я бы накинул ей эти триста долларов, мне не жалко: квартира в центре, оставшаяся от родителей, обеспечивает мне стабильный нехилый доход...

Ленка пришла в своих домашних тапочках, в синем своем халате. Прокатиться на лифте с седьмого этажа на четырна-

дцатый – вот и все ее дела.

Дальнейшее я уже описывал в розовом фантастическом рассказе, только с другим фигурантом. Ленка села в кресло, подала мне сигареты, зажигалку и пепельницу, закурила сама. Впрочем, это была уже другая зажигалка, пластмассовая. Умная, сообразительная девушка, подумал я. В принципе, мне с нею не так и плохо: она прекрасная собеседница, понимает юмор, не требует помощи и не закатывает истерик. Цены бы ей не было, будь она хоть чуточку красивей, да весила килограммов на тридцать меньше. Правда, будь Ленка красавицей, она бы, верно принадлежала не мне, а другим, да и умом бы вряд ли блистала.

Я принялся рассказывать о ночном происшествии, отредактировав некоторые подробности и скрыв свои ощущения. Ленка встала, принялась ходить по моему писательскому логову из угла в угол, щелкнула по сухим цветочным горшкам, сдула со лба челку... Волосы у нее были красивые, серые с проседью, волнами до плеч. Сорокалетняя здоровая женщина, любящая вино и секс. Вина она, кстати, догадалась принести, была у нее в холодильнике бутылка красного сухого, и я одним духом, чуть приподнявшись над подушкой, выдул половину и протянул бутылку ей. Ленка, не церемонясь, также отхлебнула из горлышка, в три глотка добила бутылку и вытерла пальцами губы. Я увидел ее красный, остро блестящий от слюны язык.

Ленка села ко мне на диван и принялась меня утешать. Я

зарылся головой между ее тяжелых грудей. Вдруг разрыдался, не в силах остановиться, Ленка ударила меня два раза по щекам.

– Спасибо, – сказал я, затем сорвал с нее халат и мы привычно заерзали на диване и на полу, мастерски исполняя всё то, чем раз-два раза в неделю занимались последние пять лет.

3

После этого случая я, разумеется, запил. Пришлось даже несколько раз самому выходить на улицу, сначала в Сбербанк за русскими деньгами, затем – до ближайшего магазина, не чуя разницы между днем и ночью. Ленка в такие периоды отказывалась бегать: считала, что вправе контролировать мои дозы, словно какая-то жена. Впрочем, она когда-то была подругой моей жены, видать, считала, что я достался ей по наследству.

Я не был на улице месяца три, мир мне казался причудливым и нервным, клокочущим, словно отраженным в горной реке. Во время запоя, как всегда, изрядно накуролесил: познакомился с новыми продавщицами ночного магазина, которых хозяин, страстный товарищ с Кавказа, постоянно менял, как избалованный ребенок кукол, рассказал им, что я писатель, очень хороший, мирового уровня, подарил свою старую книгу... В последний заход мне было стыдно. Девушки, вероятно, полистали книгу, читать, конечно, сил не нашли, решили, что перед ними сумасшедший, больной человек и посматривали на меня из-за прилавка с омерзением. Впрочем, меня утешало то, что такое же, если еще не более широкое омерзение, вызвал бы у этих статных, объезженных, но в смысле культуры непуганых кобыл «Улисс» и сам автор его, поскольку данная моя книга понятна лишь

нескольким жителям Земли, словно теория Эйнштейна.

Пребывание на улице – всегда эмоциональный стресс для меня, я же стараюсь по возможности беречь эмоции, ибо эмоциями как раз и работаю. Я представляю свою писательскую голову, будто огромный гулкий казан, где на медленном огне ворочается волшебное варево. Мельчайший раздражитель подобен камешку, который падает в эту смесь, возбуждая паразитические круги. Сосед с собакой у стены дома или девчонка в лифте, взгляд этого соседа или невзгляд этой девчонки – такие для нормального человека мелочи могут вывести меня из себя, пустить кувырком весь мой рабочий день.

Когда-то я гулял по утрам, полагая, что подобным магическим образом сконцентрируюсь и проветрю мозги накануне рабочего дня. Так и получалось, если я успешно прокрадывался, как Раскольников, по лестничной клетке, затем устремлялся в чащобу Тимирязевского парка, но чаще всего эта прогулка на вольном воздухе оборачивалась удушливым адом.

Тупо молчал в лифте сосед, отвернувшись, словно его собака уже образовала здесь лужу. Я не решался спросить, почему он не ответил на приветствие, чтобы мое и так надломленное настроение не ринулось вниз, с треском ломая соседние ветви, однако, мне был вполне ясен словесный образ его мысли:

– Что? Здраваться? С тобой? Ты!

Лифт дергается, встает, хозяин собаки нагибается, злобно

пристегивая поводок к ошейнику.

– Я, блять, бабло варю. Я, блять, тут с собакой гуляю. Но ты! Просто так в парке ходишь. Песатель! Если ты песатель, то почему я тебя никогда не читал?

Девчонка, прислонютая к стене у двери парадного. Ждет любовника, товарища из Армении, который по утрам подвозит ее на работу, по пути в машине ебя. Хозяин собаки проходит, не оглянувшись. Его раздвоенный стриженный затылок и репица пса лоснятся на утреннем солнце. Хазовый мужик, бизнесмен. Псинка шикарная, дорого стоит. Шорты на нем из секонд-хенда, знает мазьку, бабульки бережет. А у этого жирного, видать, хуечек маленький. Мама говорила, что он пясатель. И чо моргалки вывернул? Да ты и смотреть на меня не имеешь права, ты, пясатель. Я с ерьезными людьми ебусь. Ерьезно кончаю. Вон и Азрета тачка выруливает. Ну, я побежала!

– Ах, ты пязда, пезда, пеззда... Ссаная ты дыра. И сраная, другая твоя дыра, куда тебя дерет армянин.

Так думаю уже я, Эйнштейн, двигаясь утром в похмельный магазин и в который раз даю себе зарок: больше никогда, никогда не буду выходить на улицу! Так и проведу остаток своих дней в этой квартире, между балконом и лоджией...

В конечном итоге, я не только обоссался, но и обосрался в своей кровати, о чем, разумеется, также догадывались и соседи, и девушки из магазина, глядя в мои пьяные глаза писателя. Через неделю я уже не мог встать, и это в очеред-

ной раз спасло меня от смерти. Все воскресенье Ленка сидела рядом и поила меня коньяком из ложечки, периодически покачивая бутылкой, показывая, что в бутылке всё меньше и меньше, а на словах утверждая, что с каждым часом мне становится всё лучше и лучше. Это был ее собственный, уже давно изобретенный метод вывода мужика из запоя. Я медленно рассасывал алкоголь во рту, борясь с желанием выхватить у Ленки бутылку и выжрать ее взятяжку до дна.

Уходя на свою государственную службу, в районное почтовое отделение, где она сортировала чужие письма и посылки, моя добросовестная сиделка бросила мне на одеяло книжку – роман некоего Виталия Тюльпанова, который я с маниакальным омерзением прочитал до середины. Строки летели перед моими глазами, словно товарные поезда, отвлекая от того крошечного ужаса, что творился у меня в голове. Это уже мой, индивидуальный способ – одиночество и какая-нибудь ничтожная книжка, которую читаешь автоматически, почти ничего не понимая, но вовсе не слыша самого себя и чувствуя, что с каждым часом тебе действительно становится всё лучше и лучше.

Этот жалкий Тюльпанов отвлек меня еще и другим. В его вялотекущем русском триллере, где речь шла о бытовом убийстве, в перспективе, конечно же, выводящим на мафию, фирмы и депутатов, перед моими мутными глазами мелькали имена и числа, которые казались мне знакомыми, связанными с моей собственной жизнью... Такое случается с кни-

гами, я давно это заметил, но сейчас был явный перебор. Наверное, количество животрепещущих символов в тексте пропорционально степени алкогольного отравления читателя.

В какой-то момент я понял, что книга уже не дает мне лечения, потому что я с вылупленными от ужаса глазами перечитываю одну и ту же фразу:

«Тусклый свет от настольной лампы, направленный на пол, странным светом освещал комнату, придавая ей какую-то фантастическую нереальность...»

Я подумал, что такой фразы не может быть, что она просто-напросто – моя похмельная галлюцинация. Для того, чтобы эта фраза дошла до меня, мало лишь человека, который мог бы ее написать. Должен был быть редактор, корректор, еще кто-то... Но если галлюцинация – эта фраза, то не существует и книги, и Тюльпанова, и самой возможности Тюльпанову появиться. Но появился он лишь потому, что в стране произошла перестройка, убудизация, и такое стало вообще возможно.

Я поймал себя на мысли, что рассуждаю точно также, как один из моих героев, который, услышав по радио какую-то песенку, понял, что ее не может быть, а значит, по цепочке причинно-следственных связей – не было никакого Ельцина.

Прервав чтение на полуслове, я отшвырнул книгу. Она ударилась о стену, прилипла, повисела и упала на пол, наверное, несколько позже, чем я провалился в очередной по-

лусон...

На десятый день от приключения с наркоманкой я уже принял ванну, разгуливал по квартире в халате, даже мычал под нос всякие мелодии моей юности и думал, что жизнь все же на так омерзительна.

Занялся генеральной уборкой, сам, без Ленки – так как перла из меня не востребованная за период пьянства энергия. Протирая телефон, телефонную трубку, представил, что я только что совершил убийство и удаляю отпечатки пальцев.

И вдруг будто схватил сам себя за руку... На сей раз все опять обошлось благополучно. Я, конечно, наговорил кучу грязных телефонных премудростей своим коллегам по цеху, коих не видел уже годы, наслезил потоки признаний в любви своим бывшим женщинам, иных из которых даже не помнил в лицо, накуролесил в интернете, то подкалывая евреев, то евреем прикидываясь... Ни один из моих виртуальных поступков не имел четко выраженных последствий, и так было почти всегда, будто бы массы людей, к которым я, вопия, обращался, просто не существовало.

Ну, а что дальше?

[На полях: «Именно это место. Зачем надо было вырывать листок?»]

Доколе мне вести эту бессмысленную пакостную жизнь? До следующего запоя, который будет не менее отвратителен, нежели этот?

Нет, я хочу покончить с этим, раз и навсегда. В глубине ящика стола, в заветной коробочке, где болтается мое обручальное кольцо, прядка волос одной девушки, с которой я расстался двадцать пять лет назад, еще какие-то смутные вещицы, лежит некий пузырек. Внутри пузырька – самый обыкновенный, весьма популярный в литературе и кино цианистый калий.

История этого порошка такова. Давным-давно, еще в студенческие годы, была у меня девушка (ох, никуда от этих девушек не деться...) Она училась в химико-технологическом, там же подрабатывала вечерами в лаборатории, имела доступ к разным запретным веществам. И вот, как-то раз, в шутку предложила мне достать щепотку цианида. Я же в шутку согласился принять.

Помню, она принесла его в допотопном аптечном пузырьке с резиновой пробкой. Вещества на дне было совсем чуть-чуть, но с его помощью можно отправить на тот свет человек пять. Мгновенно.

Помню, какой трепет я испытал при виде этого вещества. Два-три раза в день я доставал пузырек и любовался им на просвет. То хотелось лизнуть эти кристаллы, то мечталось своими руками сделать некий перстень...

Девушки уже давно и след простыл, да и в живых ее нет, лишь прядка волос зацепилась, и как-то раз мне пришла в голову мысль: а в чем была суть ее поступка, этой Наташи, которая, как я сейчас представляю всю нашу историю, по-

кружила надо мной, словно диковинная прекрасная пчела, да и ударила в самое сердце. Разбила его, ушла с другим, за-была, как они это всегда делают – быстро и легко.

Но цианид – он-то тут при чем? Может быть, уже тогда, своей узкой ладошкой вручая мне этот пузырек, она попросту давала мне в руки мою собственную смерть, с отсрочкой, может быть, на годы, десятилетия, а срок хранения цианида не ограничен... Может быть так она и думала:

– Вот, когда-нибудь этот истерик не выдержит искушения, зажмурится, слезами изойдет и сунет свой поганый язык в пузырек...

Что, впрочем я, похоже, уже готов сделать прямо сейчас. Так и напишу: *в смерти моей прошу никого не винить...* Традиционно и неправда. Именно винить, именно есть кого. И я бы привел целый список людей, которые подтолкнули меня к этому поступку, в течение всей моей жизни.

Это и девушка-Наташа, проворная, как пчела, и моя бывшая жена. Это ублюдок из толстого журнала, который капли моего говна не стоит, но выдал-таки отрицательную рецензию, повернув тем самым всю мою судьбу. Это и Миша Горбачев, затеявший свою перестройку, и Боря Ельцин, расстрелявший парламент страны.

В смерти моей я обвиняю и многих своих друзей, оказавших мне медвежьи услуги, и веселых собутыльников юности, щедро разливавших в мой стакан портвейн, не ведая, к чему все это приведет.

В общем и целом, весь окружающий мир, по капле, я обвиняю в смерти моей, что – в конечном итоге и значит – *в смерти моей прошу никого не винить. Все свои рукописи уничтожаю. Пусть не останется в этом мире никакой памяти обо мне.*

Вышеизложенное – всего лишь мечты, которые посещают меня всю жизнь, с тех пор как я стал владельцем этого умопомрачительного предмета.

Особенно на выходе из запоя. Впрочем, повторяю: на сей раз все обошлось. Вскоре пришло время взять с моих жильцов очередной долларовой взнос, чем распорядилась также Ленка. Она же купила мне новый компьютер, на сей раз уже не ноутбук, а настольный, поскольку я не собирался никогда никуда ездить, да и вообще – выходить из дома до конца своих дней. И пить больше не собирался запоями, правда, на этот счет меня все же брало легкое сомнение. Следовательно, и с полной безвыходностью из дома я также погорячился.

С украденным ноутом из моих текстов не пропало ни строчки, так как я всю жизнь храню свои черновики. Основное собрание у меня на дисках, что-то в книгах, что-то в интернете, плюс несколько картонных коробок старых тетрадей – дома и на даче. Листки, заблеванные девушкой, я промыл и высушил. Несколько десятков страниц Ленка набрала с рукописей заново, по официальным тарифам на сегодняшний день.

Лежа на диване и глядя на ее толстенную спину, с удо-

вольствием наблюдая, как она то приподнимает, то опускает очки, с волнением слушая ее редкие комментарии, – я фантазировал, что вот так же могла тут сидеть какая-нибудь другая, моя законная жена, и была бы она моложе и лучше, и я бы любил ее без памяти, и любовался ее красотой... Нет, не сложилась моя личная жизнь, не повезло, да и не достоин я никакого везения, потому что я плохой, очень плохой человек.

Мысли из дневника

Мысль № 1

Мизантропа невозможно рассердить или обидеть. Какие бы мерзости ни вытворял с ним человек, он все равно не шагнет за черту уже существующей ненависти. Между прочим, именно по этой причине мизантроп чаще всего слывет в народе хорошим и добрым парнем.

Мысль № 2

Мне всегда казался странным тот факт, что на свете живут миллиарды людей. Вот едешь по эскалатору, а навстречу плывет плотная безмолвная толпа. Странное что-то творится в этой толпе. Например, попадаются красивые женщины. В то время как в жизни их не было вообще – ни одной.

Нет, одна все же была – моя ушедшая жена... Помню, как я был потрясен тем, что она согласилась на мое предложение.

ние, а ведь многие ее обхаживали тогда, особенно выделялся один убудок, тоже наш студент: талант, но огромные амбиции, сила слова, но неоправданный эпатаж... Но все же красавец, хоть весьма мелкий размерами, а она предпочла ему меня, уroda.

[На полях: «Недурственно. Эти слова – в копилку.»]

Впрочем, и химичка Наташа, и почтальонка Марина – тоже были красавицы, хотя у Марины, когда я ее зарачил, оказалась какая-то жалкая, треугольная попка... О чем это я? Мой разум просто отказывается верить, что все эти люди на самом деле существуют.

Мысль № 3

Как представляю себе, кто и как ебет мою девочку, где и с кем кончает она, и тоска меня обурекает, тупая безысходная тоска. Что за мерзкая жизнь, и чего он так мерзко устроена? Если подумать об этом пристально, отшатнешься, зажмурив глаза... Не может быть, чтобы реальность протекала таким образом. Значит, и не может этой реальности быть.

Мысль № 4

Можно исповедовать солипсизм: есть только я, а реальность – это всего лишь моя личная галлюцинация. Но солипсизм разбивается о простейший вопрос: почему же тогда эта реальность часто бывает столь враждебной?

Нет, не то. Мир устроен как-то иначе, и за всю свою жизнь

я так и не разгадал его тайны.

Мысль № 5

Была у меня когда-то теория, одна из тех, при помощи которых всю жизнь пытаешься объяснить, как устроен мир. Никакие религии, никакие философские системы не дают исчерпывающей трактовки, не раскрывают одновременно все чудовищные тайны бытия.

Суть теории вот в чем, и она объясняет практически всё. Не все люди – люди: подавляющее их большинство – просто безмозглые движущиеся тела.

Это и есть решение, это и объясняет всё.

Мысль № 6

Когда-нибудь и то слово, которое пришло на замену *поиграли*, утратит свое значение, и кто-то будет говорить кому-то: *трахнемся, что ли*, имея в виду, например – поговорим, подискуссируем...

Мысль № 7

Лазил по интернету, набирал имена, числовые и прочие признаки своих девчонок, которых не видел десятилетия. Как ни странно, нашел троих. От одной остались только глаза, все остальное состарилось. Занимается каким-то «исследованием онтологических аспектов исихазма» – знать бы еще, что это такое, а смотреть в словарях не хочется... Дру-

гая залезла зачем-то на Фейсбук, давно там не появлялась, просто висит и смотрит, также старая, толстая, и вся информация скрыта, только для «друзей»... Третья недавно родила: это самая молодая и красивая, ничуть не изменилась за семь лет. Сына назвала Николаем – то ли в честь меня, то ли в честь своего родного города... Жены своей бывшей не нашел, как в воду канула. Должна ведь была выбросить на одну из литературных помоек свои старые стихи, как это сделали все. Вышла замуж и сменила фамилию? Умерла?

Мысль № 8

Снова попалась под руку книжка этого Тюльпанова, стал ее читать и ужаснулся. Убийца, художник по профессии, чрезвычайно напоминал мне меня самого. Я даже подумал, что Ленка неспроста дала мне это творение: дескать, вот, полюбуйся, какой ты есть.

Героем был человек, который неделями не выходил из своей мастерской, сидя за компьютером, создавая какие-то бессмысленные электронные холсты и вешая их на мировую паутину. Денег он не зарабатывал, жил, как и я, методом рантье. Впрочем, таким образом существует множество москвичей.

Этим наше сходство не заканчивалось. Москвич пил запоями, ссался и срался, жена решила бросить его, а он ее убил, порезал на мелкие кусочки и спустил в унитаз. Труп не был найден, всем своим друзьям он объявил, что жена

его бросила, укатила с другим, и продолжал жить припеваючи, побухивая виски, пока не появилась сестра убиенной... Правда, сестра была не сестра, а брат, сделавший операцию по перемене пола, а художник был гомиком, и прочая мерзость в духе грядущего матриархата.

Можно подумать, что Ленка не просто подложила мне эту книгу, найдя какое-то случайное сходство, а сама тайком и написала ее, распечатала на принтере и переплела в мастерской. Правда, в романе Тюльпанова есть одна частность, о которой ни Ленка, ни кто бы то ни было на свете знать не мог.

Когда моя ненаглядная уходила от меня, я и сам чуть ли не серьезно обдумывал эту тему: а не убить ли ее? Слишком красиво, слишком желанно было это тело. От одной мысли, что через какое-то время оно будет принадлежать другим, с готовностью принимать разные позы, лизать и сосать чьи-то вонючие гениталии, мне становилось нестерпимо тошно, да и сейчас, спустя столько лет – знание о том, что она где-то живет, просто невыносимо для меня.

И я на самом деле хотел убить его, это тело, но лишь вопрос о том, как от мертвого тела избавиться, остановил мою карающую руку. И все же я отчетливо помню свои тогдашние фантазии: как изрублю его на куски, как спущу в унитаз. Я даже детально разрабатывал план – не с целью его конкретного осуществления, а так, как всегда это делаю, чтобы свою фантазию обреалить.

Например, я думал купить какую-нибудь электрическую

пилу для разделки мясных туш – ведь должны же быть подобные у профессионалов?

Вообще-то, это мой давний кошмар, сон, который, повторяется из года в год: то я убил кого-то и трепещу, но тут входит другой человек и я должен убить и его, то я прячу труп, закапываю его на даче или в гараже, или расчленяю в собственной ванной...

Да кто такой этот Тюльпанов, какого дьявола он знает мои фантазии, мои сны?

Мысль № 9

Истинная причина, почему я ушел с улицы, наверное, кроется в том, что я больше не хочу видеть знаков. Или же – видеть их меньше, поскольку они начинают прорастать и здесь, в ограниченном пространстве моей квартиры, в книгах, в экране телевизора и компьютера.

Мысль № 10

Мне пришла в голову шальная мысль: недолго побегав по мировой паутине, я набрел на сайт Тюльпанова и внимательно его рассмотрел. Информации о нем было негусто, хотя он сочинил довольно много романов. Обычно они пишут три книги и выдыхаются. Так часто бывает с этими «писателями», которых бандюки расплодили в девяностые годы, чтобы через издательства отмывать бабло.

Первый роман они пишут о себе, второй – о своем лучшем

друге, третий пытаются выдумать, как это делают настоящие писатели. Первый получается неплохим, второй – сносным, третий вообще ни в какие ворота не лезет. Под четвертый им уже не дают аванс. Тогда они возмущаются: как? Ведь я же писатель! Такой писатель...

Тюльпанова эта участь миновала: он был плодотворен и плодovit. Я отправил «писателю» легкое, суховатое письмо, целью которого было пообнюхаться с ним, и лишь потом задавать вопросы.

Ответ пришел довольно быстро и переписка наладилась. Он даже прислал мне свою фотографию: тщедушный человек с жалкими острыми плечами. Мои каверзные вопросы никакого недоумения у него не вызвали: он просто писал свои тексты, не задумываясь и не понимая, откуда берутся образы и события.

«Дорогой Виталий, – не унимался я, уже несколько дней переписываясь с этим человечком с дружеской фамильярностью, – не кажется ли вам, что мы живем в каком-то иллюзорном мире, где происходят события, которых и вовсе происходить не может?»

Я, конечно, ни в грош не ставил мнение этого Тюльпанова, по его писеву прекрасно представляя уровень собеседника, да мне и не важен был его ответ, поскольку уникальное свойство эпистолярного жанра заключается лишь в желании сформулировать свои собственные мысли: имейл и даже СМС – не что иное, как дневники... Но мой корреспон-

дент все же выдал довольно любопытные слова:

«Дорогой Николай! В том-то и дело, что все мы связаны большим количеством самых тайных связей, о коих даже не подозреваем. Разве тот факт, что в моем скромном романе вы нашли множество совпадений со своей жизнью, не доказывает это?»

Тюльпанов посетил мой сайт, даже оставил комплимент в гостевой книге. О моих произведениях он высказался солидно и туманно... Было ясно, что он считает себя писателем, хотя передо мной был самый типичный случай игры случая. М-да... У него тавтологию и заимствую.

Помню, еще тогда, лечась тюльпанотерапией от похмелья, я отметил несколько особо примечательных фраз. Конечно, кроме истинного шедевра о фантастической лампе Ильича, там были и другие, например:

«На следующее утро небо опять висело над землей серой подушкой».

Или:

«В его глазах пылал такой огонь, что она похолодела».

Или вот еще перл, венец этой тюльпаниии:

«Когда любишь человека по-настоящему, то уже совершенно не важно какого цвета у него личный самолет...»

Этот перлатник можно пополнять бесконечно. Переписал сейчас последнюю фразу и зашвырнул книгу глубоко под кровать, с глаз долой, а то мне придется переписать сюда все-го Тюльпанова, будто исполняя остроумный ответ Толстого

по поводу «Анны Карениной»: чтобы изложить краткое содержание моей книги, надо просто всю ее вам здесь прочитать.

В начале девяностых отечественные «бизнесмены» обратились к профессионалам с предложением начать писать что-нибудь для народа: детективчики там, триллеры, фантастику всякую... Профессионалы отказались, их лица были надменны и горды. Бизнесмены пожали плечами и пригласили людей с улицы: отставных военных, уголовников, проституток на заслуженной пенсии – тех, кому было, что рассказать за жизнь. Именно эти люди, не без помощи профессиональных редакторов, с паническим ужасом переписывающих их сочинения, и создали современную литературу – вялотекущие русские триллеры или хамские романы про любовь.

Помню, как зашел где-то в середине девяностых в АСТ: принес свой «проект», честно пытаясь работать при новых условиях. В коридоре было тесно, на стульях сидели, а кому не хватило места, стояли – «писатели». Каждый принес свой синопсис и образец прозы. Многие получали авансы и смеялись со счастливыми лицами. За дверью редактора сидела девушка, вероятно, читатель-эксперт. Дверь была открыта и я услышал разговор, как Печорин. Экспертрисса как раз характеризовала какую-то рукопись:

– Ну, это так, довольно тупой, трудный текст, что-то вроде Фолкнера...

В ответ со стороны принимающего послышалось понимающее хихиканье. Я оглядел очередь. Один из «писателей» обнажил крупные волосатые руки в наколках. В лице какой-то совсем уж древней старушки угадывались явные черты профессиональной бляди. Я повернулся и вышел. Мое место занял Тюльпанов и сородичи его. Теперь уже подросло новое поколение, которое искренне считает, что эти люди и есть писатели, а то, что они пишут – литература и есть.

Мне было любопытно побеседовать с одним из них, понять и прочувствовать образ моего гробовщика. Бесспорно, что в век информационных технологий литература должна умереть, полностью заменившись на информацию, но трудно представить, что великая литература будет убита сразу: сначала ее вытеснит суррогат, бессильный и жалкий, с которым справиться будет гораздо легче. Немаловажное звено в этом процессе и сам убиваемый: ведь нас истребить невозможно, мы будем писать до гроба, писать даже тогда, когда сгинет последний читатель, одинокий помоечный бомж, который часто находит в горах мусора любимые книги юности.

Я закинул Тюльпанову этот вопрос: насколько для него важна его работа, может ли он не писать, может ли заняться чем-нибудь другим?

На это мой новый приятель ответил:

«О, сколько угодно! Честно говоря, я уже и так давно не пишу, поскольку гонорары сейчас почему-то значительно

упали в сравнении с девяностыми».

«Что значит – почему-то? – отвечал я. – Просто количество читателей уменьшилось. Считай – покупателей. А гонорары как раз и складываются из их денег».

«А как же вы живете, Николай? Простите за нескромный вопрос, конечно. Вам же, наверное, приходится содержать семью?»

«Нет у меня никакой семьи. Жену я давно уж выгнал, а денег за аренду родительской квартиры мне одному хватает, даже очень».

«Как это выгнал жену? С женой же – оно веселее».

«А вы-то женаты?»

«Нет, я в разводе. И одиночество меня как раз мучает, мешает работать».

«А мне жена мешала. Причем, делала это намеренно, специально. Поэтому я ее и выгнал».

Я зачем-то врал: не выгнал я ее – она ушла сама, но мне не хотелось выглядеть жалким перед другим мужчиной. Он тут же заинтересовался, почему это жена специально мешала работать писателю, и я пояснил:

«Она сама бросила работать, как только вышла замуж».

«В каком смысле работать? Ваша супруга – тоже писатель?»

Супруга – так он написал. Тюльпанов из тех тусклых людей, которые носят галстуки и называют друг друга по имени-отчеству. Они умеют произносить тосты. Лично я ни од-

ного тоста за всю жизнь толком не сказал: всегда путался и сбивался на бормотание.

«Супруга писала стихи, – отвечал я. – Училась со мной на одном курсе в Литинституте. Также переводила чужие стихи. После замужества все это бросила. Ревновала меня к творчеству. Сяду на кухне работать, так выскочит в дверном проеме в ночной рубашке, словно моль какая-то: не могу заснуть, скоро ли ты придешь? Приходилось все бросать и идти в убойку. Трахать это дежурное тело. Утробный человек».

Тюльпанов долго молчал, переваривая мое откровение, затем высказал гипотезу, что я не любил свою жену, а он свою – любил, поэтому и плохо чувствует себя сейчас.

Я ответил, что, может быть, только одну ее в своей жизни и любил. Но пришлось развестись, поскольку мешала писать. Впрочем, я с ней даже и не разведен официально, но это не имеет значения. Жена прислала уведомление о разводе, но я не уплатил штраф, потом потерял паспорт... В общем, зависло где-то, теперь она в другой стране, и все это не важно.

В ответ Тюльпанов завел дискуссию о том, что каждому писателю свое, что одним любовь помогает, другим мешает и т. д. Дискуссия была мне скучна, так как Тюльпанов не был писателем, а какое значение имеет супруга в творчестве графомана, меня не интересовало.

В какой-то момент я взорвался и метнул в его сторону целую горсть бисера:

«Вот что я вам скажу, дорогой Виталий. Я писатель по

рождению, пишу, сколько себя помню. Вы-то, я полагаю, писать начали не так давно. Я же очень хорошо знаю, о чем говорю. Писательство требует тех же самых сил, что и общение. Пережив утреннюю эмоциональную встряску с женой, я уже не мог дойти до стола, хотя, само собой, путь до стола – самый короткий из возможных. Я маялся, мучился, в результате – просто пил. Это продолжалось из месяца в месяц, из года в год. Семейная жизнь убивала меня, медленно и методично. А в дальнейшем, уже оставшись один, я понял, что все мои творческие соки высасывает просто общение с людьми, и начал его все больше ограничивать».

Наша переписка с Тюльпановым продлилась несколько дней, затем как-то сама собой сошла на нет.

Полгода спустя

1

Всё это произошло и написалось зимой, когда Венера светила вечером, следуя за Солнцем, сейчас она выходит утром, предвещая восход, и ее видно не с общественной площадки, где я встретил мою злосчастную любовь, а просто из окна моей спальни.

У меня две комнаты и кухня, следовательно – три окна. Одно выходит на север, два – на восток. Повезло мне с окнами: солнце бывает в моем доме лишь в первой половине дня, а самые жаркие, мучительные часы летних закатов я провожу в прохладе и тени.

Рассказываю всякую ерунду, будто бы эти записи предназначаются для кого-то другого, кроме меня, который и так всё это знает. Хотя, в принципе, почему нет? Может быть, кому-то грядущему будут интересны мысли из моего дневника, и опубликуют его, хотя, скорее всего, после мой смерти эти листы найдут прибежище на свалке, такую временную публикацию для всех желающих, пока не сгорят.

Рассказываю, пишу об этом, потому что никак не решаюсь приступить к самому главному – к тому, что произошло со мной вчера.

Я живу в доме-башне, на четырнадцатом этаже (ну вот, опять!) и это, конечно, главная и единственная причина, почему я уже несколько лет не выхожу на улицу.

Лифт в моем доме часто ломается, а я человек грузный, животастый, и подниматься по лестнице для меня – пытка. Еще большая пытка – ждать, пока починят лифт, ибо я не могу ни минуты сидеть без дела. А дело, в принципе у меня одно – сидеть за столом и писать.

Пишу я сначала от руки, по старой неистребимой привычке, затем набираю текст на компьютер. Эти записки – два предыдущих рассказа и собственно, дневник, так и останутся здесь, на листах. Рассказы, в принципе – тоже дневник, и они не предназначены для публикации. Второй – слишком личный, просто запись событий. Первый – слишком чувственный, жалкий своей стариковской фантазией.

Листаю назад эту синюю тетрадь и вдруг натываюсь:

...совершенно не нужны, бессмысленны, не имеют ни продолжения, ни последствий.

Это я говорил о неких событиях, в частности, о приключении с наркоманкой. Я ошибался. Это событие имело последствия, причем, самые немислимые.

Итак, полгода прошло, и сейчас лето: деревья под моими окнами... Впрочем, вздор. Еще не хватало тут описывать деревья – тополя, чьи верхушки не достигают четырнадцатого этажа, и я вижу их в пирамидальной проекции сверху и т. д. и т. п.

Просто однажды вечером кто-то позвонил в дверь. Я никогда не обращаю внимания на эти звонки: вот так, просто придти и ткнуться может, разве что, только какой-нибудь бродячий торговец или слюнявый евангелист. У Ленки свой ключ, я давно не принимаю гостей, телефон держу выключенным и втыкаю его в розетку, только если возникнет необходимость куда-либо позвонить. Односторонняя связь, буд-то бы у меня дома висит старый серый автомат за две копейки.

С Ленкой у меня договоренность: она приходит в определенное время. Иногда я могу позвонить и вызвать. Ленка вполне довольна зарплатой, что я выдаю ей ежемесячно: вряд ли какая другая домработница может похвастать столь высоким вознаграждением за свои услуги. Что касается услуг эротических, то это еще вопрос: кто кому их оказывает. Впрочем, иногда мне кажется, что Ленка меня просто любит. Мы никогда не говорили с ней на эту тему, по молчаливому согласию определив ее как одно из табу.

Второе наше табу – любые воспоминания о моей жене. Моя жена, назову ее, наконец, – моя Аннушка, была старшей подругой Ленки и свидетельницей на ее свадьбе. В те, сильно другие времена, у Ленки был муж, некто Вадик, мы дружили семьями, ходили друг к другу в гости (ездили на лифте, бережно держа в руках кастрюли с домашней едой, блюда с пирогами, какую-нибудь курицу в фольге...)

Вадик запил и Ленка его выгнала, моя жена бросила меня,

прошли еще какие-то годы, у Ленки менялись любовники, у меня тоже бывали бабы, которых очень трудно было выпихнуть. Однажды она заглянула ко мне, я был как раз на выходе из запоя, она увидела мое плачевное состояние... Слово за слово, родилась идея дать ей работу, потом, как-то само собой, мы стали любовниками.

Помню тогда, очнувшись на полу, вся разодранная моими звериными ласками, расцарапанная и искусанная, она заявила, усевшись в позе лотоса на ковре, уже по-хозяйски, с сигаретой в высоко поднятой руке:

– Я давно о тебе мечтала. Аннушка рассказывала, что как любовник ты...

– Молчи, – тихо сказал я. – Отныне любые разговоры об этой женщине – табу.

Именно так, отныне. В тот недолгий период, когда она была просто домработницей, мне приходилось выслушивать всяческие ее воспоминания о незабвенных годах, когда мы ходили друг к другу в гости с курями.

Ну, кончен отход. Я хотел рассказать о главном. Что меня дернуло открыть дверь? Кажется, я подумал, что это Ленка забыла ключи: в тот вечер она как раз должна была придти. Я распахнул дверь, другой рукой подавляя зевок. На моем пороге стояла она, Вика.

2

И все-таки, трудно приступить к рассказу о вчерашнем дне... Как я провел эти полгода? Думал ли я о ней, вспоминал ли? Но вспоминал – кого? Тот нелепый образ, который сфантазировал, или тупую безжалостную воровку с грязным языком?

Да, думал, да, вспоминал иногда. Честно говоря, фразы из рассказа и реальные события уже перемешались. Засыпая в одинокой постели, обнимая большого плюшевого медведя, с которым я спал с детства до старости, с которым, вероятно, меня и найдут мертвым, я гаснущим своим сознанием мечтал именно об этом: вот, распахнется когда-нибудь дверь и на пороге возникнет она.

– Прошу вас! – это было первое, что она сказала.

Я отступил вглубь коридора, суетливо запахивая халат и все еще держа дверь за ручку. Она медленно прошла мимо, двигаясь вместе с запахом каких-то незнакомых духов. Я прикрыл дверь.

– Вы ведь меня узнаете, да? – спросила она.

– Разумеется, – ответил я с напускной холодностью, в то же время лихорадочно соображая: что ей от меня надо, во что она собралась здесь играть на сей раз?

На плече у девушки была сумка, там пряталось что-то продолговатое. Неужели?

Да, она и в самом деле осторожно извлекла на свет компьютер, украденный у меня, и протянула на ладони, словно блюдо кельнерша. Сверху положила зажигалку – золото на серебро. Я усмехнулся:

– Совесть, что ли, к тебе вернулась? И где ж вы с нею обе были столь долго?

– Выслушайте меня! – был ответ.

Я все же принял из ее рук компьютер, теперь уже совсем мне не нужный. Золотую зажигалку небрежно опустил в карман.

– Бес какой-то меня попутал, – сказала девушка.

– Никаких бесов нет, – заметил я.

– Есть! – воскликнула она. – И именно он попутал меня.

С инструментом под мышкой я широким жестом и даже с поклоном показал ей на дверь кабинета. Лицо Вики осветилось радостью: она решила, что прощена, и бодро прошла по указателю. Я двинулся за нею, небрежно поставил ноутбук на пол.

– Ах, у вас уже новый! – воскликнула она, увидев стационарный агрегат на столе.

– Да уж... – пробормотал я, напоминая сам себе Кису Воробьянинова.

– Видите ли... Я хочу попросить прощения...

– Что естественно.

– Да вовсе не за то... Это само собой. Дело в том, что мои друзья... Бывшие друзья. Словом, они стерли все ваши

программы. Ваши тексты. Записали игры. Вы не сердитесь?

Я не сердился. Интересно, какие чувства должен был испытывать писатель, у которого отобрали его творения, месяцы и годы труда? К счастью, меня не так просто изничтожить. Я усмехнулся ее простодушью. Сказал:

– Да если бы какая-нибудь тварь стала причиной гибели моих текстов, хоть одной страницы, я бы ее, эту тварь, из-под земли достал, я бы не просто ее убил. А убил бы с пытками, я бы взял ее за волосы и тёр, тёр, тёр мордой об асфальт, пока не превратилась бы она в плоскомордую азиатку.

Впрочем, я этого не сказал – опять фантазия. Сказал:

– Я не могу сердиться, хотя бы потому, что у меня на все произведения есть копии. Не пропало ни строчки, девушка.

– Да? – казалось, что она обрадовалась.

По-хорошему, я должен был просто выгнать ее. Но так уж мы устроены: всё готовы простить желанному телу. Вот в чем корень наших страданий.

– Деньги я вернуть пока не в состоянии, – простодушно призналась Вика.

– Да я и не спрашиваю, – сказал я. – Ты садись (я терпеть не могу уголовный оборот «присаживайся»). Кофием тебя угостить?

– Да, пожалуй...

Тут только я заметил, что говорит эта Вика совершенно не так, как должна. В моей голове мгновенно выстроилась целая паутина всяческих связей, формул и решений, и меня

буквально бросило в дрожь. Речь Вики была не из реальности, а из моего венерического рассказа. Компьютер и зажигалку принесла не та девушка, что их украла. Та говорила: *швидло вонючее, пушиська, постюби* и так далее. Эта употребляла правильный русский язык, тот самый, что я вложил в уста своей фантазийной героини.

Возясь на кухне, я пытался расставить все по местам, но не мог. Двойничка, близняшка... Сестра, как в одном из моих романов. Кофемолка гнусно жужжала у меня в руках. Обычно во время помола я читаю какое-нибудь стихотворение. Терпеть не могу малейшую несвободу, даже эту минутную привязанность к кнопке и хлупу аппарата. Сейчас все вокруг было переполнено настоящим ужасом. Кто там сидит, в моем кабинете? И сидит ли еще? Не сошел ли я с ума от одиночества? Сейчас войду с дымящимся подносом, а там – никого.

Она была на месте и немедленно, словно какой-то режиссер дал отмашку, развеяла мои идиотские сомнения.

– Вам, наверное, кажется, что это не я, да? На самом деле – это *тогда* была не я. Трудно рассказать... Это называется: связалась с дурной компанией. Я была постоянно отравлена наркотиками, я жила, как они. Говорила, как они... Это ужасно, правда? Я просто какое-то время была другой.

Я поставил поднос на столик и двинул в его сторону ладонью: угощайся. Вика взяла чашку и ломтик сыра. Я молчал.

– Три месяца меня лечили, – продолжала она уже с сыром во рту. – Теперь я абсолютно свободна.

– А что твой коммерческий техникум – пришлось его бросить? – спросил я.

– Какой техникум? – Вика с тревогой глянула на меня.

Ну, да, разумеется. Впредь надо быть осторожнее, чтобы не сочла меня за старого склеротика. В техникуме училась та, из маразматического рассказа.

– Я обитаю в училище, в медицинском. Вернее, обитала, пока... Впрочем, возможно, меня еще восстановят, ведь я ушла по-английски. Родителям ничего не сказала, они думают, что дочка успешно перешла на второй курс.

– А где твои родители?

– В Обояни. Я там родилась, выросла... Но хочется все-таки жить в столице своего государства. Вы подумаете, что я из тех, кто понаехали.

– Нет, не подумаю, – сказал я. – В моей среде – писателей, поэтов, художников с большой буквы – практически нет москвичей. Москва не родит таланты. Я и еще несколько человек – исключения...

– Вы что же – хвастаетесь?

– Это просто факт.

Я ощутил внезапный прилив боли и тоски. Помню, в юности я просто дрожал, когда слышал что-то о своем таланте. Талант нереализованный – все равно что бездарность. Что проку от романов, которых никто не читал? Да и на словах «в моей среде» я даже запнулся: нет у меня уже давно никакой среды. Сам я себе и среда и Пятница – в лесистом горо-

де-острове влачащий свое существование Робинзон.

– А на что же ты живешь, девушка? – решил я сменить тему.

Она заморгала глазами.

– Как на что? Родители переводят каждый месяц. На еду, на квартиру. Мой отец – один из уважаемых людей в городе, у него свой бизнес.

– Какой, если не секрет? – я представил себе бритоголового бандюгана, который годится мне в сыновья, он толкает перед собой модную дорогую коляску, в коляске лежит годовалая Вика (внучка, значит), процессию замыкает пес-убийца...

– Он продает медицинское оборудование.

– В Обояни?

– По всей стране. Поэтому я и поступила в медулице. Это будет кошмар, если все раскроется!

– Ладно, – сказал я. – Будем считать, что ты теперь хорошая.

– Я правда хорошая.

– Да неужели?

– Если человек считает себя хорошим, то так оно и есть. По крайней мере, пока рядом не появится какой-нибудь другой человек.

Я вздрогнул: эти слова показались мне как-то странно знакомыми...

– Интересно, – заметил я. – Продолжай.

– Тогда все сразу меняется, – сказала она, – и ты становишься плохим, очень плохим человеком.

Тут я, конечно же, вспомнил. Я почувствовал, как морщится мое лицо. Рано я успокоился, расслабился. Реальность продолжает играть со мной во что-то очень скверное. Последние слова Вики были точной цитатой из одной моей повести, написанной пять лет назад. Интересно... Я уже не чувствовал никаких эмоций – просто наблюдал за нами обоими как будто со стороны. Что еще я сегодня услышу?

До сих пор алкогольные психозы происходили в гораздо более мягкой форме: я мог слышать голоса, но не видеть людей. Я мог видеть какое-то смутное колебание пространства, даже больших тонконогих пауков в полированном бортике кровати... Но такое происходило впервые. Если еще и учесть, что я месяца два не напивался, не входил в запой...

Больше всего меня злило то, что я не мог понять, где граница галлюцинации? Пришла ко мне Вика или нет? Допустим, она все же здесь и говорит со мной, но слова, что я слышу, не что иное, как *голоса*. Я принял единственно верное решение. Встал, прошел в коридор, распахнул входную дверь. Сказал:

– Уходи сейчас же!

Вика вдавила голову в плечи. Не важно, что она на самом деле говорила, но вот что я услышал:

– Конечно же, я уйду. Только сначала закончу мысль.

Ну, да, мою собственную мысль:

– И уже теперь не имеет значения, какой ты был хороший человек, сам для себя, ибо для других ты плохой, очень плохой человек.

Она ушла, я запер за нею дверь и стал в волнении расхаживать по своему логову. Поскольку на улицу я не выхожу, а бродить все же люблю, то мои прогулки осуществляются тут и только тут.

У меня двухкомнатная квартира, которую я купил здесь, на улице Милашенкова, в четырнадцатизэтажной башне постройки восьмидесятых. Недорогой вариант, имея в виду последний этаж. Комнату с застекленной лоджией, выходящей на север, я называю кабинетом, да и использую как кабинет. Дальше коридор и комната поменьше – спальня. Направо – выход из квартиры прочь, налево – поворот на кухню через маленький коридорчик, где по правой стене три двери: в кладовку, ванную и туалет. Затем, собственно, кухня, она же столовая, здесь небольшой балкон, выходящий, как и окно спальни, на восток. От лоджии до кухонного балкона – пятнадцать шагов без захода в спальню и двадцать пять – с заходом. Летом балкон открыт, окна на лоджии – тоже. Глотнув свежего воздуха на лоджии, я иду через все свое жилище, заходя или нет в спальню, до кухонного балкона, где также глотаю воздух. Два раза туда и обратно, коль с заходом – вот уже и сто шагов. Если кто-то в соседней башне, что расположена с угла моей, смотрит в окно, то может наблюдать странное зрелище: некая нелепая фигура, круглая, как теннисный

мячик, поочередно возникает то на лоджии, то на балконе, по-рыбьи раскрывая рот.

Все это я написал для того лишь, чтобы отвлечься... Тело. Человек-тело. Если Вика и вправду существует, но только как тело, управляемое со стороны, именно мной? Тогда понятно, кто и как вкладывает слова в ее уста.

3

Позже пришла Ленка. Я ничего не рассказал ей о происшествии, но она почувствовала... Моя женщина была далека от мысли, что со мной произошло что-то в реальности, например, что девушка, которую, как мне только сегодня стало ясно, я тайно любил уже полгода, заявила ко мне в дом собственной персоной.

Ноутбук я спрятал, посуду помыл. Ленка, как никто другой, понимала, что реальностью для меня являются не случаи жизни, а лишь процесс моего мышления. Именно то, что происходит внутри – и есть реальность, именно это я и считаю истинными событиями.

Представим себе такой условный день. Утро. За чашкой кофе, первой сигаретой приходит неожиданное решение в один из текстов, что я сейчас пишу, некий головокружительный поворот. Это первое событие дня. Выношу вчерашний мусор в подъезд, там какие-то ублюдки лакают похмельное пиво, мне ломают ребро, по дороге в «скорой помощи», из окна я вижу перспективу улицы в утреннем свете, стараюсь запомнить час, чтобы придти как-нибудь сюда, когда буду, наконец, выходить, сфотографировать чудесный городской пейзаж. Это второе событие дня. В больнице (что уж просто совсем фантазия) в меня влюбляется медсестра, затаскивает меня в перевязочную, осторожно стягивает с меня брюки.

Рыдает, падает к моим ногам. Тут я придумываю какое-нибудь слово, неологизм, например имя в стиле Зощенко – Эмма Минетовна. Записываю его на клочке бумаги. Это третье событие. Ближе к ночи, когда умирает в судорогах сосед по койке, снова приходит в прозу какая-то фраза. Что есть четвертое... Ночью Америка объявляет войну России, да и вообще – Земля на рассвете сталкивается с кометой и все эти динозавры снова гибнут... Мне в голову ничего не лезет. Нет никаких событий. Но ничего. Четыре события за день – этого уже достаточно.

Ленка решила заняться уборкой, я вспомнил о ноутбуке, который задвинул под кровать, и увлек мою домработницу в постель.

– А как же пылесос? – сонно спросила она примерно через час.

– Ну его в манду, – произнес я фразу, которую сказал герой одного из моих романов.

Среди ночи, выйдя в интернет, я словил письмо.

Вы, наверное сердитесь на меня, – писала она. – Представляю, что Вам после моего визита померещилось. Это я только потом поняла – ведь хорошие мысли приходят на лестнице. Уверена, что Вы приняли меня за галлюцинацию. Иначе – откуда эта девушка, эта наркоманка знает слова из Ваших собственных книг?

Объяснюсь.

Много лет назад, еще в Обояни, будучи маленькой девочкой, я случайно наткнулась на Ваш сайт в нете и прочитала одно Ваше произведение. Это был «Остров с тобой». До этого момента я, вообще, почти ничего не читала, по литературе имела твердую тройку. Я стала читать еще и еще, уже других писателей, классиков и современных, но иногда опять возвращалась на Вашу страницу и читала Ваши произведения.

Вы каким-то образом стали для меня первым. Это трудно объяснить. Как первая любовь, что ли?

Одним, словом, я и читать-то стала именно из-за Вас.

Что еще тут говорить? Я любила Вас. Я просто Вас любила как писателя, и мне казалось, что я люблю Вас как человека и мужчину. Ваше лицо на фотках в нете и в одной старой книжке, что я нашла в библиотеке, показалось мне очень привлекательным.

Это было давным-давно. Потом со мной произошло самое худшее. Я встретила парня, он посадил меня на иглу. Я забыла о Вас. Мне не хочется вспоминать, что было со мной в те времена.

И вот, в самый разгар этой новой жизни, Ваши молниеносные руки подхватили меня, я почувствовала Ваши электрические, словно угри, руки... Не думаю, что это было случайностью, что я тогда очутилась у Вашей двери. Ноги сами привели меня к Вам. В самом бессознательном состоянии.

Эта встреча, полгода назад, изменила мою жизнь. Я прошла курс реабилитации и порвала со всеми своими друзья-

ми. Я совсем одна теперь, живу на съемной квартире, почти не выхожу на улицу. Продолжаю бродить по Мировой Паутине, много читаю, читаю Ваши произведения, а память моя хорошая, она почему-то стала очень хорошей после лечения, вот и запоминаю часто наизусть.

Еще раз простите меня, я больше никогда Вас не потревожу.

С уважением и наилучшими пожеланиями,
Ваша Вика.

Я был в шоке. Перечитывал этот текст снова и снова и не верил своим глазам. К письму была приложена фотография: Вика сидит в комнате, на фоне книжных полок.

Лет ей не меньше семнадцати, если она закончила школу и понеслась по конкам, и неслась месяцев восемь, с прошлого лета до прошлой зимы. Почему я так считаю? Да просто потому, что если бы она закончила школу раньше и неслась по конкам полтора года, то выглядела бы совершенно по-другому, да и реабилитироваться вряд ли получилось.

Почему я это так скрупулезно вычисляю? Да дело в том, что (специально посмотрел даты файлов, если вдруг запомнил) я вывесил в Сети мой «Остров с тобой» четыре года назад. Если она тогда же и прочитала его, то было ей не менее двенадцати лет. Трудно представить, что десяти-одиннадцатилетняя сможет осилить такой текст, тем более – полюбить.

Там речь идет о человеке, которого намеренно сводят с

ума его жена и друг – они любовники. С ними в союз вступает и дочь героя, и подруга жены, которую он тайно желает.

Гм. Для кого это я тут расписался, кому рассказываю свой собственный сюжет? Или пытаюсь сконструировать синопсис для очередной отправки по издательствам?

Роман написан от первого лица, что делает его еще более сложным. Мы видим историю исключительно глазами героя, первое время верим его трактовке происходящих событий. Слово за слово, мы понимаем, что вокруг героя ведется зловещая игра. Сам же он до самой своей смерти (а он умирает, как многие мои герои, почти все) видит лишь ту картину событий, которую ему представляют заранее сговорившиеся злоумышленники...

И далее, в том же духе. Вместо того, чтобы ответить на это письмо, я тщательно переписал его в свой дневник и принялся за какой-то синопсис.

Ладно, и ответ также напишу сначала от руки, здесь.

Милая Вика!

Я очень тронут твоими признаниями. Вовсе не обязательно это «я больше никогда Вас не потревожу». Напротив – тревожь, сколько твоей душе угодно. Мне любопытно, меня греет, что у меня, оказывается, есть ПОКЛОННИК (в твоём лице). Я одинокий человек и общение с тобой мне совершенно не повредит. Пиши. Звони. Приходи. Буду очень тебе рад.

4

Вот интересно. Если у этой тетради каким-то странным образом образуется читатель, то он наверняка не поверит мне ни на грош, решит, что и этот текст – какая-то выдумка. Слишком уж неправдоподобно явление юной девы в мою мрачную жизнь.

В принципе – чем черт не шутит? – может быть, из этих заметок и вырастет когда-нибудь книга, ведь я все-таки писатель.

Не имея ни денежной надобности, ни душевного желания сочинять что-либо для журналов, издательств, да и вообще – творить беллетристику, я нашел ближайший выход для своей литературной энергии: просто пишу собственную жизнь. Правда, десятилетиями возвращенный профессионализм направляет мою руку на нечто вроде рассказов – пусть материалом для них и являются текущие события. Впрочем, эту синюю тетрадь советского производства, найденную в старой коробке и случайно чистую, вполне можно назвать дневником. Есть в этом какой-то новый, прежде не ведомый мне интерес: ведь я начинаю рассказ в то время, когда материал не готов, то есть – события моей жизни еще не произошли.

Вика явилась на следующее утро. Я притворил за нею дверь, так же, как и вчера. Какое-то время мы молча разглядывали друг друга, затем она сделала шаг и приникла ко мне,

крепко прижав голову к моей груди.

– Вы ведь не прогоните меня, правда? – прошептала она прямо в ткань моей мягкой рубашки.

Я рассеянно гладил ее волосы, вдруг наткнулся мизинцем на ее ушко и чисто автоматически, давно отработанным донжуанским жестом залез внутрь. Физиология дала о себе знать: девушка тихо мякнула. Я знал, хоть и не чувствовал сквозь ткань, что в этот момент набухли ее соски. Я взял Вика за челку, запрокинул ее голову навзничь и всосался в покорные горячие губы.

Дальнейшее произошло чисто автоматически. От моего жадного поцелуя тело обмякло, я сгреб его и бегом отнес в спальню, где и овладел им, даже не раздев толком – боялся, что оно очнется и передумает.

Владение длилось минут сорок, я потом глянул на настенные часы. Конечно, уже в ходе акта, я раздел девушку дочиста, да и с себя всё сорвал. Вика умудрилась уснуть, устроив голову где-то далеко у меня между ног, и я не видел никакой Вики, поскольку вся она скрывалась за моим огромным животом. Это обстоятельство меня развеселило. По всей комнате, возглавляемая распластанным халатом хозяина, валялась ее одежда – тонкий беленький лифчик и совсем уж ничтожные трусики, джинсы, одной штаниной вывернутые наизнанку, желтая маечка (кажется, ее называют *топик*) с каким-то омерзительным молодежным рисунком. Что-то еще лежало у меня под мышкой, ага – капроновый подследник.

Но самой девушки будто и не было: маленькая, свернувшаяся, словно змейка, она была теперь за горизонтом – волосатым, поблескивающим тонкими лесными ручейками – это, конечно, следы пота, моего и ее.

Вот ведь как бывает: еще вчера утром я лишь в бредовых измышлениях представлял, что когда-нибудь снова увижу ее, еще час назад я и подумать не мог, что она не только отзовется на мое письмо, придет, но и окажется в моей постели, а сейчас, своей непомерно гигантской головой из-за горы выглядывая, я блаженно улыбался и чувствовал себя законным владельцем. Лишь одно обстоятельство тревожило меня...

Все, что произошло здесь между нами, стояло в моей голове, словно смотренное-пересмотренное кино. Уже отнесенная на кровать и приготовленная, Вика вдруг очнулась, уперлась ручонками мне в грудь и проговорила сакральное «Не надо!»

Разумеется, она должна была это произнести, поскольку – как же иначе? Я же, также разумеется, продолжал свое настойчивое движение.

– Я вам должна кое-что сказать, – произнесла она шепотом, приникнув к моему уху. – Это очень важно.

Тут уже и я отпрянул, в голову автоматически пришла гнусная мысль: уж не заразна ли эта девушка? Представив на своем теле цветении розеол, ошметки папул, я испытал внезапную дезерекцию. Ну ее нахуй, эту девушку...

– Я знаю, о чем вы подумали, – с улыбкой сказала она. – Это совсем-совсем не то.

Я приподнялся на локтях, вяло спросил:

– Так что же?

– Вы не поверите. Но я хочу, чтобы вы об этом знали. Прежде, чем это станет узнать невозможно.

– Что невозможно будет узнать? О чем, черт тебя подери, ты говоришь?

– О том, что я девственница.

Она смотрела на меня, изображая всю ту же загадочную улыбку. Мне и самому стало смешно.

– Не трудись врать, – сухо сказал я. – Мне это ни к чему.

– А вот и к чему! Я читала вашу повесть «Бездонное озеро».

– Это был дурацкий коммерческий проект. Ко мне не имеет никакого отношения.

– И все же. Там описан пожилой импозантный мужчина, который влюбляется в девственницу. Вот и я также...

– Ты была толстой, – с неким злорадством произнес я, вспоминая свой рассказ, – потом похудела, но никто еще не успел...

– Сам вы толстый! Я всегда была такой, какая я есть, честно.

– Ни за что не поверю, – сказал я. – Ты сколько-то месяцев жила с наркоманами, тебя накачивали, делали с тобой все, что хотели...

– Ничего они со мной не делали! Они знали, что я люблю одного мужчину. И они относились ко мне, как к святой.

Я боялся не того, что девушка в меня влюблена, а того, что подобное никак не может быть правдой.

– Хватит прелюдий, – сурово сказал я. – Легли трахаться, так давай и приступим.

В самом деле, на миг мне показалось, что Вика сейчас исчезнет или я сам проснусь.

– Если вы мне не верите, – с гневом произнесла она, – то прежде, чем мы начнем... Я типа хочу вам ее показать.

– Кого? – не понял я.

– Мою целку, пока вы ее не порвали!

– Что ж, это и впрямь любопытно.

Она проворно раздвинула ноги, ухватив себя за пятки. Я, с трудом переваливая живот, подкатил и тронул пальцами ее срамные губы. Мне еще никогда в жизни не приходилось быть в такой степени гинекологом. Я осторожно раскрыл этот странный цветок. Девственная плева была на месте. Серповидная, розовая, на треть преграждающая путь в ее влагище, она смотрела на меня наподобие сморщенного укоризненного глаза.

Дальнейшее произошло на автопилоте: я влизался в цветок, словно шмель, затем, почувствовав на губах обильное увлажнение, набросился на мою Вику, крутя и бросая ее, как циркачку, попутно раздевая, очищая, словно некий экзотический фрукт. В конце концов я полностью сожрал девушку.

Я лежал, глядя на свой живот и думал: полноте, было ли это все на самом деле? Болтался ли надо мной неумолимым маятником Эдгара ее нательный крестик, порой задевая за верхушки деревьев на моей груди? Я ли это тут лежу? И то странное обстоятельство, что тревожило меня, заключалось не столько в том, что я будто бы попал в пространство некой мечты, а в том, что слишком уж все происходящее напоминало какую-то нарочитую нарезку из моих собственных произведений.

Кстати, вот одно из них: вижу его на горизонте.

У меня с детства дурная привычка: брать чистую тетрадь, разворачивать ее вслепую и писать что попало. Затем, при плановом заполнении тетради, поток нового текста переваливает через старый отрывок, как река через порог.

Чувствую пальцами изнанку его на грядущей странице: выдавленные когда-то этой же самой рукой, молодой моей рукой – скульптурные негативы строк.

Мысли из дневника

Мысль № 1

Странное это совпадение, надо заметить. Девочка, которая любила некоего писателя, восхищалась и бредила им, почему-то забрела именно в его дом, поднялась на его этаж, а он, этот писатель, именно в те самые минуты выполз на общественный балкон полюбоваться Венерой. Девочка с Вене-

ры.

Такое совпадение не простили бы мне, пиши я тут не дневник своей жизни, а некий вымышленный роман. Вроде как в «Докторе Живаго»: тут встретились, там мимо окон прошли, свеча горела на столе, а в итоге получаем некую смехотворную вязь пересечений, которые в жизни-то возможны, но прозу превращают в балаган.

Может быть, всё это просто ложь? Тогда реальность встает на свое место. Может быть, девочка и в самом деле попала в какой-то дом, к какому-то писателю, обокрала его, принесла добро главарю банды, а тот смекнул, что тут можно и еще пожить, да и придумал легенду Штирлица: о любимом с детства писателе, к которому эти точеные ножки сами собой притопали? Смешно. В таком случае, моя бесстрашная разведчица должна была тщательно готовиться, зубрить мои тексты, изучать хорошие манеры, к тому же, быть талантливой актрисой...

Я давно подозреваю эту реальность в некоем притворстве. В жизни происходит что-то такое, чего не может произойти. Впрочем, проверю. История с этой девочкой началась при невозможных обстоятельствах. Если столь же нелепым будет ее конец, то вся моя реальность – вымысел. А конец неизбежен: ведь не вечно же будет длиться роман между семнадцатилетней девчонкой и жирным полувековым боровиком?

Уж не брежу ли я реальностью самой, не сочиняю ли тут просто некий роман? А то, что эти события со мной на самом

деле происходят – просто-напросто мне *кажется*.

Мысль № 2

Когда-то давно я был готов жизнь отдать за свое творчество. Но никто моей жизни не взял: началась перестройка и охотится за диссидентами стало уже не модно.

Мысль № 3

Я был диссидентом в советском обществе, теперь же я – диссидент в человечестве. И нет мне пути в эмиграцию, никуда нет мне пути.

Мысль № 4

В принципе, для меня никогда не была важна не только слава писателя, любовь и восторг поклонников, но даже и публикация вообще. Успех в моем понимании означает создать произведение и убедиться в том, что оно совершенно. Следуя этой логике, мне надо бы уничтожать свои опусы сразу по их окончанию.

Мысль № 5

Пожалуй, мне даже судьбу Кафки повторить не удастся. Ни строчки моей не будет опубликовано, даже посмертно. Жизнь моя заканчивается в эпоху, когда само Слово катастрофически быстро теряет свою прежнюю ценность.

Зачем же мне вообще жить, если весь смысл жизни и за-

ключался лишь в этом кропотливом писеве?

Ответ простой: я живу только до тех пор, пока пишу. Вывод напрашивается сам собой: надо писать и писать, чтобы сохранить эту пакостную жизнь. И тогда я буду жить вечно.

[Начало]

Никогда прежде я не переживал такого ужаса – ни в жизни, ни во сне. Я шел по огромному городу, многоцветному, простиершему свои безумно красивые улицы под ослепительно синим небом, под жарким золотым солнцем.

Город был совершенно пуст, что вовсе не характерно для сновидения. Сны всегда полны людей и животных, но тут передо мной выстроилось застывшее, мертвое пространство, сплошь залитое ярким полуденным светом, и появление чудовища только еще ожидалось.

Я помнил, что иду очень давно: несколько часов или даже дней. Первое время я был преисполнен восхищения, любовался туманной глубиной улиц, парадоксальными сочетаниями красок – черного на розовом, розового на золотом.

Со временем что-то стало тревожить меня. Я понял: то, что я вижу, вовсе не было городом, а лишь выглядело как город. Вокруг меня возвышалось все, что угодно, только не здания.

У этих построек не было ни окон, ни дверей. Возможно, это были какие-то скульптуры иobelisks, или гигант-

ские надгробья... Символы... Могильный кенотаф города, красочный муляж, фальшивый, словно блюдо с восковыми фруктами.

Нет, все же я видел и окна, и двери... Но они были каменными, как и всё вокруг. Казалось, будто бы город был целиком вырезан из скалы. И тот, кто сделал его, не знал, как устроены здания, для чего нужны окна и двери.

Но и эта мысль была ложной: фигуры состояли из разных материалов, плавно перетекавших из одного в другой... То, из чего все это вытесали, должно было иметь заранее определенную внутреннюю структуру, чтобы синее стало окном и дверью, а красное – карнизом и крышей. Так вырезают миниатюрные камеи из слоистых камней, выявляя светлые женские головки на темном фоне.

Я трогал и близко рассматривал стены. Они состояли из мраморов и гранитов, гвельфов и гибеллинов, из черного базальта и розового лабрадора.

Каким-то ужасом веяло от этого лабрадора, цветом напоминающего человеческое тело.

Была ложной и мысль о том, что город из камня высечен. Нет, я не видел никаких следов обработки: город рос и развивался сам, из какой-то странной подземной субстанции. Это было похоже на восковые натеки, только всплывающие снизу-вверх и формирующие в итоге целую, ровную свечу.

Почему-то отчетливым было впечатление, что все это именно растет снизу вверх, медленно встает, а не наоборот –

растекается из уже готового создания. Только движение было незаметно, будто бы стрелка часов ползет.

Я подумал: а куда и зачем я иду по этим улицам? Почему я иду именно туда? И действительно ли улиц много, и мое пространство разветвляется, и у меня есть выбор, или все это – просто одномерный коридор с ярко раскрашенными декорациями?

Я резко свернул в боковой переулок, но он оказался тупиком. Я свернул еще и еще, но тщетно: все боковые проходы кончались бутафорией: глухими дворами, стенами или скалами, уходящими ввысь.

Один из переулков раскрылся в небольшую площадь, посередине которой стоял кальмар. Этот каменный кальмар, точнее, статуя кальмара, была водружена на невысокую черную плиту, опираясь на нее мощными щупальцами, напоминающими эрегированные фаллосы.

И тут я услышал далекий женский крик... Я понял, что город строится специально для меня, что эта улица – ловушка, и ведет она меня к какой-то своей цели, заранее определенной и страшной. Я шел и все отчетливей слышал крики и стоны истязаемого существа.

Внезапно город кончился входом в туннель. Я увидел просторный зал, щедро освещенный через круглое отверстие в потолке.

Посреди зала женщина лежала на полу. На нее напал огромный черный кальмар, он душил и мучил ее, она гром-

ко кричала.

Я бросился вперед, но замер в нескольких шагах, потому что влип во что-то вязкое, слизистое, сильно держащее мое тело на месте. Я не сразу понял, что эта женщина – ты... Я бился в невидимой паутине – в нескольких шагах от места, где ты умирала.

И вдруг ты увидела меня. В твоих глазах стояли слезы боли и отчаянья, твой взгляд умолял, заклинал, приказывал... Ты простерла ко мне руку с дрожащими пальцами...

В этот миг чудовище повернуло голову и тускло посмотрело на меня, выпустив чернильный заряд тошноты и страха, мгновенно выбросивший меня на поверхность реальности, со всем моим позором, бессилием, болью... Я проснулся в ужасе и тоске.

[Конец]

Смутно помню, когда я написал этот рассказ. Если честно: я вовсе его не помню. Судя по почерку – ровный, крупный – это было где-то лет в двадцать пять-семь. После тридцати мой почерк изрядно испортился, измельчал, наклонился, обуглился – от пьянства, что ли? Или просто вместе с моей юностью ушел из меня какой-то другой человек... Ушел, плотно закрыв за собой дверь, не оглянувшись на меня.

Боже мой, как ясно я помню спину ее, уходящей Аннушки моей! Это было где-то за год до расставания. Мы должны были встретиться в ЦДЛ, я шел от метро. И вдруг увидел ее впереди: в длинной коричневой шали с бахромой, медленно идущей по льду.

Я не стал ее нагонять, а просто двигался за нею, играя в тень. Помню, пришла мне тогда мысль: это репетиция расставания, кадр из будущего.

Я знал, что должен расстаться с нею. Вычеркнуть ее из моей жизни. Я не мог выгнать ее. Я ждал, когда она уйдет сама.

Мысль № 7

Я бы мог сочинять какую-нибудь православную или патристическую чушь для толстых журналов, или демократическую чушь для других толстых. Мог бы стать жанровым – сочинять, словно какой-то Тюльпанов, мерзкие детективы с пятьюстами слов запаса, женские романы, нон-фикшен какой-нибудь – о том, как стать богатым и счастливым, об одежде, еде и жилье... Возможно, я бы так и делал, если бы не имел постоянного пожизненного дохода.

Впрочем, вру, я и пытаюсь писать жанр, только не для денег, а для души. Проблема в том, что мои фантастические произведения настолько динамичны и остросюжетны, что сами себя пожирают, словно змеи, за хвост, где-то на пятом-шестом авторском листе. Издательства же (к примеру,

крупнейшее в стране – «Эксмо») требуют минимум 8 листов. Казалось бы, нет проблемы: составь книгу из двух-трех произведений. Но беда (по-ихнему, по-молодому – «фишка») в том, что в одной книге должно быть одно произведение. Это значит, что нужно налить страниц на сто воды: подробно описывать интерьеры и одежды, гнать бессмысленные диалоги...

Я написал уже пять жанровых повестей или мини-романов, как их можно еще назвать. Ни одно издательство не заинтересовалось. Были такие, что очень хвалили, но советовали, что объем не в формате и предлагали... Подлить немного воды.

Выходит, что и жанр я также пишу в стол. Кроме того, мои высоколобые коллеги, едва узнав, что я пишу жанр, преисполнились ко мне презрением. Им и в голову не приходит, что жанр можно написать хорошим русским языком. Оригинальный жанр. Читать мою фантастику они отказались. Тупик и пустота.

Мысль № 8

Есть такая теория, что тексты писателям диктует кто-то свыше – когда Бог, когда Дьявол. В моей картине мира такого не может быть, ибо мир устроен наоборот.

Во-первых, никакого дьявола нет, а существует только бог-создатель. Дьявола же придумали люди, чтобы оправдать деяния, которые им не казались божьими.

Во-вторых, он не может ничего диктовать, ибо он не писатель, а читатель. Для того он и создал человечество, чтобы люди писали книги, и читает он их от безмерной, бесконечной скуки и одиночества.

Книги же создает всё человечество, посредством, конечно, отдельных своих представителей, коих мы называем прозаиками или поэтами. Все люди выстраивают длинные, запутанные пищевые цепочки, которые со всех сторон ведут к поэтам, и вся человеческая деятельность так или иначе влияет на поэтов, которые и записывают тексты для него, для Великого Читателя.

Мысль № 9

Порой мне кажется, что текст уже написан, и я всего лишь проявляю его, словно счищаю мокрую бумажку с переводной картинки.

Подобные мысли посещали многих писателей. Иные думали что тексты им начитывает сам господь Бог. Это глупость, конечно. Зачем Богу это нужно, если время существует, и все эти тексты – тоже?

Другое дело, если Бог не писатель, а читатель. Тогда всё встает на свои места. Он и создал нас для того, чтобы мы сочиняли для него тексты.

Но тогда не ясен эффект переводной картинки. Откуда это ощущение? Кто мне диктует и для чего?

Что, если и здесь справедлива теория человек-тело? Что,

если я тело, пишущее тексты, в то время как посредством
моей руки один Человек диктует эти тексты Другому?

Жизнь за пределом мечты

1

Четыре месяца я не возвращался к этой тетради, более того: вот уже четыре месяца, как я вообще «не брался за перо». Просто не было уже никакой надобности писать. Отчего же я писал всю жизнь – не от того ли, что всегда был элементарно несчастлив?

Сейчас же счастье полностью проглотило меня. Я просыпаюсь утром и думаю: я счастлив. Это, впрочем, и раньше бывало, когда я вставал с постели, предвкушая огромный, значительный день, полный самозабвенной работы, замечательных открытий. Однако, не проходило и нескольких минут, как это ощущение испарялось и начинался обычный будний день писателя, который делает массу открытий, продвигается вперед в нескольких текстах, которых никто, кроме него, не увидит.

Теперь же, едва разлепив глаза, я знаю, что счастлив, что буду счастлив весь этот неторопливо текущий день, и завтра буду счастлив и послезавтра, и через неделю... От подобного состояния, наверно, должно быть стыдно. Мне – ничуть.

Свадьбы как таковой не было: зарегистрировались и всё, выпили со свидетелями и проводили их. Это произошло

неделю назад, я только что выкарабкался из запоя, и в нашей жизни ничего не изменилось. Ленка по-прежнему живет на седьмом этаже, приходит два раза в неделю, приносит продукты, трахается, убирается, только теперь – на основании законной супруги.

Я вышел из дома только один лишь раз – на такси до ЗАГСа и обратно. По-прежнему совершаю свои тридцатишаговые прогулки по квартире, с заходом и без. М-да. Традиционная мистификация. Можно теперь подумать, что мистификацией была и предыдущая глава.

Нет больше никакой Ленки. Здесь живет, убирается, готовит и спит Вика – моя молодая жена. Правда, готовить она не умет, все выходит какая-то импровизированная дрянь, но я неприхотлив и неразборчив в еде, меньше всего на свете озабочен вкусом. О чем это я? Опять – в сторону ухожу от главного...

2

Она искренне, самозабвенно любит меня, называет не иначе, как *милый, любимый, родной...*

– Вот интересно, как там поживает мой любимый? – говорит она, поглаживая меня по жирному волосатому животу.

Впрочем, за эти месяцы я изрядно похудел, и живот стал еще более складчатым. Вика раздобыла кукую-то новомодную диету вкупе с комплексом упражнений. Я вставал на весы и, сцепив руки в замок, покачиваясь, ждал, когда стрелка перестанет дрожать далеко внизу. Плюс камасутра три-пять раз в сутки. Я сбросил одиннадцать килограммов.

– Исстрадался, наверное, мой родной! – говорила она уже в постели, имея ввиду, что уже несколько часов я не входил в нее.

Все это просто чудо какое-то, и я сам в эту реальность не верю, оттого и ее описание хромает, что я как критик и литературовед хорошо понимаю. Ты ведь и тоже не веришь мне, мой гипотетический читатель? Чувствуешь ведь какой-то подвох, паскуда, но никак не можешь сообразить, в чем же он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.